

32и
Т76

международная

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1982 6

Г. А. Трофименко
**ВОЕННАЯ
ДОКТРИНА
США**

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, ПЛУКЕ, ТЕХНИКЕ

СЕРИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ

6/1982

Издается ежемесячно с 1956 г.

Г. А. Трофименко,

доктор исторических наук, профессор

**ВОЕННАЯ
ДОКТРИНА
США**

Издательство «Знание» Москва 1982

ТРОФИМЕНКО Гсрих Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом внешнеполитических проблем Соединённых Штатов Института США и Канады АН СССР. Автор ряда монографий и многих публикаций в советской печати по проблемам внешней политики и стратегии США, советско-американских отношений. Лектор общества «Знание».

СОДЕРЖАНИЕ

От стратегии превентивной войны к стратегии «гибкого реагирования»	4
Корректировка стратегических установок	22
Администрация Рейгана: безудержная гонка вооружений	39
США и НАТО	44
Ударные силы интервенционизма	51
Литература	64

Трофименко Г. А.

Т 76 Военная доктрина США. — М.: Знание, 1982. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Международная»; № 6), 11 к.

Брошюра дает критический анализ военной доктрины и стратегии США. Большое внимание уделяется таким популярным ныне на Западе стратегическим концепциям, как «ограниченная ядерная война», «стратегия контрсилы» и т. д. Рассматриваются акции в сфере военного строительства и военной политики, предпринимаемые администрацией Рейгана. Дается подробный разбор позиции Вашингтона по вопросам советско-американского стратегического баланса.

Брошюра рассчитана на лекторов-международников, пропагандистов, преподавателей, студентов, слушателей народных университетов, читателей, интересующихся актуальными международными вопросами.

0804000000

ББК 66.4(7США)
32И(США)

Военная доктрина государства есть сплав двух взаимобусловленных сторон, политической и военно-технической, при очевидном главенстве первой. В. И. Ленин в известных замечаниях на книгу Клаузевица «О войне», приводя слова последнего о том, что «политика это разум, война же только орудие, а не наоборот», добавлял: «Политика родила войну»¹. «Война насквозь есть политика...»² — отмечал Ленин в своей «Речи о войне» на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, требуя в то же время учитывать классовый характер политики.

И поскольку «война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств»³, — как подчеркивал В. И. Ленин, ссылаясь на Клаузевица, постольку военная доктрина и лежащая в ее основе так называемая большая (или военно-политическая) стратегия имеет дело с весьма широким комплексом вопросов, относящихся к деятельности государства на мировой арене. Это вопросы о политических целях, о выборе средств и способов достижения своих целей государством на мировой арене, о соотношении между использованием чисто военной силы и иных инструментов воздействия, о характере и задачах экономического и военного строительства, необходимой технической оснащенности вооруженных сил и т. п.

Та или иная теория, в комплексе отвечающая на эти вопросы, в США ныне обычно именуется «стратегией национальной безопасности», и она является высшей по отношению к военной стратегии; последняя подчинена целям и задачам, которые ставит первая. За послевоенный период было провозглашено немало официальных

¹ Ленинский сборник XII. М.—Л., 1930, с. 437.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 281.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

американских стратегий и доктрин. Начав со ставки на мировую гегемонию, американские правящие круги постепенно, хотя и очень медленно, стали двигаться к осознанию ограниченности американских военно-силовых возможностей в современном мире, и это нашло свое отражение в сложной эволюции военной доктрины США.

От стратегии превентивной войны к стратегии «гибкого реагирования»

На эволюцию военно-политического мышления правящих кругов США оказывает воздействие целый ряд факторов. Важнейший из них — соотношение сил между СССР и США, социализмом и капитализмом. «Достигнутое военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма, — отмечалось в постановлении июньского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС, — это завоевание принципиального, исторического значения. Оно служит фактором, сдерживающим агрессивные устремления империализма, что отвечает коренным интересам всех народов»⁴. Среди других объективных факторов следует назвать рост сознательности и политической активности народных масс, прогрессивных сил и движений, оказывающих сдерживающее влияние на политику империалистических кругов. На военную политику США воздействует не только военно-экономическая мощь СССР и всего социалистического содружества, но и проводимая им целеустремленная конструктивная политика мира и разоружения. Правительство США не может не считаться с мировым общественным мнением, с широчайшей нарастающей поддержкой международной общественностью политики разоружения.

Важнейшим фактором, влияющим на стратегические калькуляции американского правящего класса, является также крушение колониальной системы и выход на

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. М., 1980, с. 13.

мировую арену большого числа независимых государств, требующих коренных перемен в системе политических и экономических отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами. Важнейшим процессом в зоне развивающихся стран стала антинеоколониальная революция, направленная прежде всего против США как крупнейшего неокolonизатора, сумевшего в первые годы после окончания второй мировой войны «заместить» своим экономическим доминированием в этой зоне бывшее военно-административное господство европейских колонизаторов. Борьба за сохранение развивающихся стран в орбите американского неокolonизма, в том числе и с помощью военной силы, ныне является одним из важнейших направлений внешней политики США и их стратегии.

На характер военно-политической стратегии Вашингтона влияют и такие факторы, как состояние американской экономики и экономики всего капиталистического мирового хозяйства, рост межимпериалистических противоречий по мере усиления военно-экономических потенциалов капиталистических стран Западной Европы и Японии. Безусловно важнейшим фактором в глобальном уравнении сил является КНР, правительство которой в последнее десятилетие все более активно сотрудничает с США на платформе антисоветизма.

Изменения, происходящие в мировом балансе экономических и военных сил, и сопутствующие им политические перегруппировки заставляют американские правящие круги систематически производить корректировки своей стратегии с целью приспособления ее к меняющимся мировым реальностям.

Все увеличивающаяся тяжесть финансового бремени гонки вооружений, развязанной самими Соединенными Штатами, объективная необходимость (во имя укрепления социально-политической базы капитализма) выделять существенную часть государственных ресурсов на внутренние социальные программы ограничивают расширение военно-промышленной базы и тем самым в какой-то мере суживают военно-силовые возможности США на мировой арене. Провалы военных авантюр, которые предпринимались США в период после второй мировой войны (в частности, интервенций в Корее и в Индокитае) усиливали позиции реалистически мыслящего крыла американского правящего класса, предста-

вители которого доказывают, что достижение подлинно стратегических перемен в современном мире возможно лишь с помощью воздействия невоенных факторов, в первую очередь технико-экономических рычагов влияния.

Однако на фоне всего этого субъективным устремлением руководящего ядра американского правящего класса, воспитанного на идеях гегемонизма и американского всесилия, является тяга к военной исключительности, превосходству, или, как иногда выражаются в Вашингтоне, «абсолютной безопасности». Все это делает процесс приспособления стратегии США к реальностям мировой обстановки исключительно болезненным, медленным и противоречивым. Сдвиги в направлении реализма в военно-политической стратегии Вашингтона перемежаются отступлениями, зигзагами, новыми милитаристскими порывами.

Можно назвать ряд типических особенностей процесса приспособления американского капитализма к новой обстановке в мире, в том числе и в военно-политической области. Во-первых, это в определенной степени вынужденный характер корректив, вносимых в военную доктрину и стратегию под давлением обстоятельств; во-вторых, стремление свести такого рода корректировку к самым минимальным изменениям; в-третьих, сильное отставание такого рода поправок от теоретического осознания потребностей в них и, в-четвертых, необычайно сильная тяга к чисто техническому «решению» военно-политических проблем путем создания новых, более совершенных систем оружия.

Уже отмечалось, что теоретически военно-политическая стратегия является определяющей по отношению к военной, последняя подчинена целям и задачам, которые ставит первая. Однако на практике в США в период после второй мировой войны очень часто второй уровень начинал доминировать над первым — чисто военные соображения над политическими. Это объясняется тем, что военно-промышленный комплекс (ВПК) Соединенных Штатов, созданный в годы «холодной войны» для обеспечения материальных средств ведения войны, из орудия политики и стратегии вскоре превратился в институт, господствующий в деле принятия внешнеполитических решений. Все было подчинено задаче выигрыша «холодной войны», а выиграть ее мож-

но было, как считалось в Вашингтоне, лишь с помощью наращивания и применения военной силы. Поэтому ВПК сначала добился решающей роли в определении параметров «необходимой военной силы», а впоследствии, по мере роста самой этой силы и, следовательно, укрепления позиций самого ВПК в структуре американского общества, и весьма важной роли в определении стратегического курса страны. На какое-то время ВПК фактически приобрел право вето на политические решения гражданского руководства.

С самого начала доминирующей, базовой стратегической концепцией США стала концепция «сдерживания», которая фигурировала в двух обличьях, двух ипостасях: сдерживания «продвижения социализма» с помощью обычных вооруженных сил и военно-политических мероприятий (containment) и сдерживания-устрашения (deterrence) Советского Союза с помощью ядерного оружия, монополию на которое США, первыми создавшие такое оружие в 1945 г., рассчитывали сохранить на многие годы.

Общая концепция «сдерживания коммунизма» была разработана известным американским политическим теоретиком и дипломатом Дж. Кеннаном в бытность его на дипломатических постах в Москве и на ответственной работе в госдепартаменте США и сформулирована в целой серии документов, положенных в основу военно-политической стратегии США в отношении Советского Союза.

Кеннан рекомендовал американскому правительству проведение в отношении СССР политики с позиции силы. Как только Запад противопоставит СССР «достаточную силу и сделает ясной свою готовность использовать ее», ему, возможно, и не придется ее применять, доказывал Кеннан, ибо одного лишь давления с позиции силы окажется достаточно для того, чтобы заставить СССР отступить. Правда, сам Кеннан довольно быстро отошел от такого рода силовых установок и стал энергично выступать за политику мирного сосуществования США и СССР, подчеркивая при этом, что у него хватило мужества отказаться от своих прежних взглядов, когда он понял их ошибочность. Однако американское правительство, упивавшееся иллюзией всемогущества США, продолжало развивать концепции силового давления на СССР.

В документе высшего органа военно-политического планирования Совета национальной безопасности (СНБ) 20/1 от 18 августа 1948 г. подчеркивалась ситуация «политической войны» США против СССР и отмечалось, что американское правительство в этой ситуации должно «выдвинуть в отношении России даже сейчас, во время мира, цели более воинственные и более определенные, чем те, которые ему когда-либо приходилось формулировать даже в отношении Германии или Японии в предвидении реальной войны с этими странами».

В этом документе прямо обсуждался вопрос о войне с Советским Союзом. И хотя документ признавал, что «мы не можем ожидать в качестве следствия успешных военных операций в России, создания там власти, целиком покорной нашей воле», тем не менее в нем подробно рассматривались вопросы об оккупации СССР, изменении советских границ и уничтожении влияния коммунистической партии, «выборе новой правящей группировки», которая заменит «советское правление», и т. д.

Аналогичные цели ставились и документом СНБ 20/4, одобренным президентом Трумэном; в нем подчеркивалась необходимость «создать максимум напряженности для советской структуры власти» и проводить подготовку к войне против СССР. Ликвидация Советской власти в СССР представлялась его авторам наиболее эффективным способом «обеспечения безопасности США» и «успешного развития эффективной мировой организации, основанной на целях и принципах ООН»!

Учитывая такую постановку вопросов в документах высшего американского руководства, не удивительно, что первой стратегией США в сфере «центральной войны», иначе говоря — войны против СССР и его союзников в Европе, стала стратегия превентивной войны.

Стратегия превентивной войны (1945—1948). Этот этап характеризовался стремлением Белого дома сформировать международную обстановку с позиции американской «абсолютной силы». Ее основой, как считалось тогда в Вашингтоне, было монопольное обладание Соединенными Штатами атомной бомбой. Американские руководители и особенно теоретики, осведомленные о научно-техническом потенциале СССР, исходили из то-

го, что эта монополия США не может быть длительной. Именно поэтому они считали необходимым использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы навязать миру свои порядки и существенным образом ослабить потенциального противника. Они были готовы непосредственно использовать военную силу для оттеснения социализма с завоеванных позиций, для ликвидации сформировавшейся в то время мировой системы социалистических государств, а в максимальном варианте, как следует из приведенных документов, и для ликвидации Советской власти в СССР.

Одно время США заигрывали и с идеей использования военной силы также и для того, чтобы не допустить нарушения своей атомной монополии.

Американское военное командование начало разрабатывать планы войны против СССР еще до окончания второй мировой войны!

Как сейчас выясняется, за период до 1948 г. различными американскими ведомствами было представлено свыше десяти развернутых планов нападения на СССР с использованием ядерного оружия. Все эти планы основывались в первую очередь на «атомных возможностях» Соединенных Штатов, которые генерал-майор К. Лимэй, ставший впоследствии командующим стратегической авиацией страны, определял в то время как способность «обезлюдить обширные пространства земной поверхности, оставляя лишь рудиментарные остатки материальной деятельности человека».

Основным и, пожалуй, решающим аргументом, сдержавшим американское правительство в те годы от использования против СССР инструмента превентивной войны, было соображение о том, что, несмотря на разрушения, которые причинило бы ему атомное нападение США, Советский Союз, действуя совместно с дружественными ему странами Восточной Европы, ликвидировал бы в порядке самообороны американский плацдарм в Западной Европе. Воспрепятствовать этому Соединенные Штаты, по общему мнению американских стратегов, были бы не в силах. Опасение потери для капитализма Западной Европы, наряду с соображениями о недостаточном для эффективного удара по СССР запасе атомных боеприпасов в США, остановило в то время американское руководство от реализации названных планов.

Стратегия «сдерживания» (1949—1953). В 1949 г. Советский Союз создал ядерное оружие. Тем самым была ликвидирована американская монополия в этой области. В результате США пришлось сделать некоторую переоценку ядерного оружия как вероятного инструмента практической политики, в первую очередь более критически оценить возможности превентивного атомного нападения на Советский Союз. Одновременно Вашингтон приступил к ускоренному восстановлению экономических и военных потенциалов других ведущих капиталистических держав с целью их активного использования в антикоммунистической стратегии США. Ряду стран Западной Европы была оказана финансовая и экономическая помощь по «плану Маршалла». В апреле 1949 г. был создан Североатлантический блок (НАТО).

На основе общеполитической концепции «сдерживания» Советского Союза, о которой уже говорилось, на свет появилась стратегия «сдерживания» СССР, идеи которой продолжают жить и сейчас. Основная ставка при этом делалась на повышение боеспособности всего американского военного комплекса, при условии сохранения лидерства США в совершенствовании ядерного оружия и средств его доставки. Как подчеркивал государственный секретарь в администрации Трумэна Д. Ачесон, «единственный способ иметь дела с Советским Союзом... это создавать ситуации силы».

В 1949 г. в соответствии со стратегией «сдерживания» был разработан чрезвычайный военный план «Оффтэкл» (переименованный впоследствии в «Шейкдаун», а затем в «Кросспис»). Положенная в его основу концепция состояла в том, чтобы «в сотрудничестве с союзниками США реализовать американские военные цели в отношении Советского Союза, уничтожив его волю и способность к сопротивлению путем проведения стратегических наступательных операций в Западной Евразии и стратегии обороны на Дальнем Востоке».

План рассматривал предстоящую войну как коалиционную и подробно анализировал группировки союзников СССР, союзников США, а также и нейтральные страны, которые под давлением могли бы предоставить свои территории и ресурсы в распоряжение «англо-американских держав». Окончательной целью войны предусматривался «военный разгром СССР и его сателлитов...». Как и сейчас, в 80-е годы, так и в 40-е годы

американские военные стратеги запугивали политическое руководство страны угрозой советского «захвата Ближнего Востока и его нефтяных ресурсов» и «нарушения жизненно важных коммуникаций» союзников!

План исходил из того, что США и их союзники будут иметь дело с СССР, не имеющим ядерного оружия. Однако после того как это суждение рухнуло, Пентагон приступил к более основательной подготовке к войне с учетом «новой силы Советского Союза». Таким новым документом явился план «Дропшот», подготовленный к концу 1949 г. (Он был рассекречен в США в 1977 г.)

Основная его установка состояла в том, чтобы добиться количественного превосходства по отношению к СССР в сфере ядерного оружия порядка 10:1 и использовать это преимущество для победы над СССР и его союзниками в ядерной войне. Такое превосходство Соединенным Штатам должна была дать развязанная ими гонка ядерных вооружений с упором на качественное совершенствование ядерного оружия и резкое наращивание численности средств его доставки. Основой этой программы послужила директива президента Трумэна от 1 января 1950 г. о начале работ над термоядерным — водородным — оружием.

В одном из разделов плана «Дропшот», например, уточнялось: «Наиболее мощным оружием, которым союзники будут обладать в 1957 г. и которое можно применить против СССР, является атомная бомба. Сразу же после начала военных действий следует предпринять стратегическое воздушное нападение на СССР с использованием атомных бомб и в качестве дополнительного средства — обычных бомб».

Авторы плана допускали, что в целях достижения «полной победы» потребуются и сухопутные войска. Однако ведение наземных боевых операций возлагалось в основном на союзников США. Сами же Соединенные Штаты должны были сконцентрировать свои усилия на бомбардировках СССР. Согласно наметкам командования стратегической авиации, в течение первых 30 дней войны предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, в том числе восемь — на Москву и семь — на Ленинград.

Предполагалось, что в ходе такого удара будет разрушено 30—40% промышленного потенциала СССР,

полностью уничтожена нефтяная промышленность, людские потери составят 6,7 млн. рабочих. По мнению начальника штаба ВВС США генерала Х. Ванденберга, атомная бомбардировка «приведет к капитуляции СССР или в любом случае — к ликвидации его общей способности предпринять наступательные операции».

Наиболее всеохватывающие установки стратегии «сдерживания» были развиты в меморандуме СНБ/68, подготовленном по указанию Трумэна группой сотрудников отдела планирования госдепартамента США во главе с тогдашним начальником этого отдела П. Нитце. Этот документ изображал СССР в качестве «тотально-го врага» Соединенных Штатов.

«Согласно концепции «сдерживания», — говорилось в меморандуме, — поддержание сильной военной позиции рассматривается как существенно необходимое... Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика «сдерживания», которая фактически есть политика спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефовой политикой» (здесь и далее в цитатах из документа подчеркнуто мной. — Г. Т.).

В связи с этим перед военно-промышленным комплексом США ставилась задача добиться «подавляющего атомного превосходства» над СССР и завоевания господства в воздухе. «В случае, если мы пустим в ход атомное оружие в ответ на его первоначальное использование Советским Союзом, или же потому, что у нас не будет никакого другого способа, которым мы могли бы добиться своих целей (!), сугубо обязательно, чтобы стратегические и тактические цели, против которых будет использоваться атомное оружие, были бы подходящими для этого и сам метод его применения — соответствующим нашим целям», — указывалось в документе. Таким образом, меморандум СНБ/68 откровенно предусматривал возможность нанесения Соединенными Штатами неспровоцированного ядерного удара по СССР лишь на том основании, что у США «не будет другого способа добиться своих целей».

Помимо установки на достижение подавляющего военного превосходства над СССР документ СНБ/68 также предусматривал использование в промежуточный пе-

риод разнообразных методов давления на Советский Союз и дружественные ему государства, ставшие на путь социализма. Эти меры включали торговую блокаду, «экономическое изматывание» СССР путем «навязывания повышенного расхода советских ресурсов» в противодействии американским программам, «интенсификацию позитивных и своевременных мер и операций тайными средствами в сферах экономической, политической и психологической войны» и т. д.

Реально стратегия «сдерживания» была опробована правительством США в Корее, где 25 июня 1950 г. южнокорейский режим развязал агрессивную войну против КНДР. На второй день после начала боевых действий президент Трумэн принял решение о вооруженной интервенции США в Корее. Однако это вторжение США на Азиатский материк не принесло США военной победы. Трудящиеся КНДР, опираясь на поддержку стран социализма и всего прогрессивного человечества, отстаивали независимость родины и вынудили агрессоров заключить 27 июля 1953 г. Соглашение о перемирии в Корее.

Стратегия «массированного возмездия» (1953—1960). Дальнейшее укрепление экономической и военной мощи СССР, общественного строя восточноевропейских стран, вступивших на путь социализма, усиление национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки было расценено правящими кругами США как поражение трумэновской стратегии «сдерживания», нацеленной на «сокращение силы и влияния Советского Союза». Перед республиканским правительством президента Эйзенхауэра, пришедшим к власти в 1953 г., стала задача внесения корректив в военную доктрину и стратегию страны.

Отметим, что на слушаниях в конгрессе США в 1951 г. американский генерал Ведемейер — бывший специальный представитель президента Трумэна в Китае — заявил, что американская стратегия должна быть нацелена на «перехват стратегической инициативы» у противника и на принятие США акций «в моменты и в местах по нашему собственному выбору», включая нажим на СССР угрозой развязывания против него атомной войны. Так родилась стратегия «массированного возмездия». Официально она была провозглашена государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом в его речи

перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г.

В стремлении устранить негативные моменты предшествующей стратегии, сказал он, правительство США разработало новую. «Самым основным решением, — отметил Даллес, — является решение полагаться главным образом на бóльшую способность нанести мгновенно ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору». Принятие США концепции «массированного возмездия» в качестве официальной стратегии означало, что в высшем американском руководстве восторжествовала точка зрения верхушки военно-воздушных сил, являвшихся в то время в стране фактически единственными носителями стратегического ядерного оружия.

Анализ документов и других материалов приводит к выводу о двойственном характере стратегии «массированного возмездия». Если рассматривать публичные угрозы Даллеса и Рэдфорда (тогдашнего председателя Комитета начальников штабов США) о нанесении ядерного удара по СССР в случае возникновения любого локального конфликта, мнимо или реально связанного с «коммунистическим движением», то они имели явно блефовый характер.

Реальная американская стратегия, которая была сформулирована в принятой Советом национальной безопасности директиве 162/2, более трезво учитывала фактическое соотношение военных сил, складывавшееся между США и СССР к середине 50-х годов. Холодным душем для горячих голов в республиканском руководстве явилось официальное советское сообщение летом 1953 г. о том, что СССР создал водородное оружие. Американским стратегам пришлось более осторожно подходить к проблеме «балансирования на грани войны», чем публично любил похвастаться Даллес.

Выдвижение стратегии «массированного возмездия» представляло собой отчаянную попытку Белого дома создать впечатление о более благоприятном для США соотношении сил с Советским Союзом, чем это было на самом деле. Вашингтон надеялся на то, что, завысив ставки в военно-психологической конфронтации, он сможет заставить СССР пойти на односторонние уступки США по спорным проблемам. Реально агрессивный аспект «массированного возмездия» состоял в практиче-

ской подготовке страны к «финальной пробе сил» с СССР в случае благоприятного для США стечения обстоятельств и готовности высшего американского военного командования рекомендовать такой курс действий политическому руководству.

Однако американский стратегический арсенал был фактически нейтрализован успехами Советского Союза в укреплении своей обороны.

В 50-х годах СССР уже работал над созданием межконтинентальной баллистической ракеты (МБР), впервые успешно испытанной им в 1957 г. Запуск первого в мире искусственного спутника Земли Советским Союзом в сентябре 1957 г. явился величайшим психологическим шоком для американского руководства, пытавшегося запугать СССР угрозой массированного ядерного удара. Тот факт, что советская техника первая в мире вышла в космос, означал окончательное крушение излюбленного тезиса американского политического и научного руководства о якобы неискоренимом научно-техническом отставании СССР от США. А ведь именно этот тезис, утверждавший закономерность резко опережающих достижений США в совершенствовании «модернистского стратегического арсенала», лежал в основе американских надежд на то, что стратегия «массированного возмездия» может все же оказаться эффективной.

Через несколько недель после запуска СССР первого искусственного спутника Земли на стол президенту Эйзенхауэру был положен так называемый доклад Гейтера — сверхсекретное исследование, составленное авторитетнейшей комиссией из видных представителей мира науки, политических и деловых кругов и посвященное оценке соотношения стратегических сил двух стран в условиях, когда впервые американские правящие круги стали все более осознавать факт уязвимости собственной территории для ответного удара в случае развязывания Соединенными Штатами агрессии против СССР.

В качестве способа экстренного укрепления позиций США в борьбе против мирового социализма доклад Гейтера предлагал передать союзникам США по НАТО американское ядерное оружие (именно отсюда пошли проекты создания «многосторонних ядерных сил НАТО», рухнувшие впоследствии ввиду оппозиции ря-

да европейских союзников США и переоценки Белым домом собственных стратегических интересов).

Авторы доклада, продолжая линию СНБ/68, считали, что очередной рывок в повышении неуязвимости американских ядерных систем (в частности, путем перевода значительной части стратегической авиации в состояние повышенной боеготовности) даст США конкретные военные, политические и психологические преимущества до того, как развертывание Советским Союзом межконтинентальных баллистических ракет ликвидирует такие преимущества. Этот период (авторы доклада определяли его 1959-м — началом 1960 г.) должен был явиться «лучшим временем для того, чтобы вести переговоры с позиции силы, поскольку военный статус США по отношению к России может никогда уже не оказаться столь же сильным».

Именно к этому периоду, как известно, относится ряд демонстраций американской военной силы, начиная с высадки морской пехоты США в Ливане в июле 1958 г. и кончая полетами шпионских самолетов над территорией СССР. Тогда же правительство Эйзенхауэра начало планировать и интервенционистскую акцию против Кубы, практически осуществленную в апреле 1961 г. администрацией Кеннеди. Попытки использовать мнимую позицию силы для нажима на СССР на советско-американских переговорах, имевших место в 1958—1961 гг., не дали желаемого результата, что в конце концов заставило Белый дом кардинально пересмотреть американскую стратегию.

Стратегия «гибкого реагирования» (1961—1969). Задачу приспособления стратегической теории США к новым реальностям международной обстановки взяла на себя администрация Дж. Кеннеди, пришедшая к власти в США в январе 1961 г. Она заменила обанкротившуюся стратегию «массированного возмездия» стратегией «гибкого реагирования».

Через несколько недель после прихода в Белый дом Дж. Кеннеди направил конгрессу США специальное послание по вопросам военного бюджета. В нем говорилось: «Наша оборонная позиция должна быть как гибкой, так и решительной... Мы должны иметь способность обдуманно выбирать виды оружия и стратегию, варьировать темпы национального производства и изменять управление собственными войсками для того, чтобы в

сжатые сроки и при любых обстоятельствах приспособиться к меняющимся условиям или целям». Учитывая такую постановку вопроса, понятно другое название, которое получила стратегия «гибкого реагирования». Она часто именовалась также «стратегией дозированного использования силы».

Не из-за какого-то особого миролюбия или желания пойти на одностороннюю уступку противникам американское правительство приняло на вооружение эту стратегию. Концепция о необходимости «дозированного использования силы» была выдвинута в первую очередь в расчете на то, что если США обязуются «дозированно» или по крайней мере не безрассудно использовать свою военную силу, то и их потенциальные противники (в первую очередь СССР) должны будут реагировать гибко. Это даст возможность, по мнению Белого дома, не допустить эскалации любого случайно возникшего конфликта до таких размеров, когда в ход будет пущено стратегическое ядерное оружие.

Правомерен вопрос: почему в новых условиях применение стратегического ядерного оружия, иначе говоря большая война, стало считаться Вашингтоном нежелательным? Да потому, что стратегическая бомбардировка из сугубо односторонней перспективы, какой она рисовалась американским стратегам в середине 50-х годов, стала двусторонней возможностью. Причем такой, которая грозила крушением американского общественного строя, как это признал министр обороны США Р. Макнамара в июне 1962 г.

В области стратегической или большой войны, ставшей нежелательной для Вашингтона в условиях нового соотношения сил, принцип дозировки выражался в ряде формул и теорий. К такого рода теориям можно прежде всего отнести концепцию эскалации, разработанную Германом Каном — директором научно-исследовательского Гудзоновского института близ Нью-Йорка, занимающегося разработкой стратегических проблем по правительственным контрактам. Выдвигая эту концепцию, моделирующую процесс разрастания конфликта — от дипломатических демаршей, через мобилизацию войск и военные демонстрации к обычному конфликту и затем через «порог» локальной ядерной войны к ограниченному обмену стратегическими ядерными ударами вплоть до «тотального» применения воюющими сто-

ронами всего наличного запаса стратегического ядерного оружия, — сам Кан исходил из того, что, «если у вас нет теории о том, как пережить войну, вы вряд ли нажмете кнопку». «Лестница эскалации» Г. Кана с ее детально разработанными «ступенями эскалации» как раз и была попыткой создания теории о том, как «пережить» даже большую войну, не доводя дело до «финальной пробы сил».

Двуединая концепция эскалации как силовой борьбы и переговоров с противником как бы дезавуировала старый подход, проводивший непреходимый рубеж между войной и переговорами, когда переговоры рассматривались лишь как способ подведения итогов столкновения, а не как одновременный и параллельный с волевым противоборством процесс урегулирования конфликта. Наконец упор той же теории эскалации на психологическое использование угрозы силой также можно было интерпретировать как в известной мере более осторожный подход к вопросу о прямом физическом применении основной силы.

Определенная осторожность пронизывала и разработанную в тот же период концепцию «неядерной паузы» в Европе в случае начала большого конфликта. Во время такой паузы противники, по мнению американских теоретиков, могли бы «оглядеться вокруг» и решить, стоит ли возводить конфликт в фазу обмена ядерными ударами. Эта теория была выдвинута отчасти и из-за опасения того, что какой-то американский союзник мог бы умышленно втравить США в ядерный конфликт с СССР, руководствуясь своими собственными узкоэгоистическими расчетами.

Начиная со второй половины 60-х годов в официальных заявлениях американского руководства стала все больше подчеркиваться «сдерживающая» функция американских стратегических сил, предназначенных не только для «неприемлемого ответа» потенциальному противнику в случае его ракетно-ядерного нападения на США.

К концепции «ответного (второго) удара» американское руководство пришло под влиянием реалистического анализа советского стратегического потенциала, убедившись в том, что между США и СССР начал складываться стратегический паритет. В этих условиях единственно разумной — непровоцирующей — позицией

для США остается лишь угроза нанести противнику «неприемлемый ущерб» в ответ на ядерное нападение на США. Такова была официальная позиция, которую американское правительство заняло со второй половины 60-х годов. Поскольку Советский Союз никогда не угрожал США первым ударом и не предусматривал никаких действий, кроме ответа на агрессию, то официальный переход Вашингтона на позицию второго — ответного — удара фактически означал привнесение большей стабильности в двусторонние отношения.

И тем не менее, несмотря на понимание администрациями демократической партии США, стоявшими у власти в 60-е годы, опасности большой войны, этот период явился, пожалуй, одним из самых интенсивных за всю американскую послевоенную историю периодов гонки вооружений в США, в особенности стратегических.

Колоссальное наращивание Соединенными Штатами своей стратегической мощи в 60-х годах (на которое СССР был вынужден в конце концов ответить) было призвано не просто обеспечить им «гарантированный потенциал ответного удара». На деле Соединенные Штаты, вопреки своей официально декларированной позиции, стремились создать потенциал первого — обезоруживающего — удара против СССР, что подтверждалось не только характером строительства американских наступательных ядерных вооружений (преступавших все разумные рамки достаточности для обороны), но и такими акциями, как решение 1962 г. развернуть широкую систему гражданской обороны (включая массовое строительство индивидуальных противоатомных убежищ) и решение 1967 г. о создании общенациональной сети противоракетной обороны, призванной существенно ограничить ущерб для США от ответного удара стратегических сил СССР, которые будут значительно ослаблены, как предполагалось, в результате американской ядерной атаки.

Составленный в США в 1962 г. второй единый интегрированный оперативный план стратегических целей на территориях СССР и других социалистических стран фактически предусматривал не столько ответный удар по советским городам, сколько обезоруживающий удар по советским военным объектам (так называемый контрсиловой удар), как это впоследствии подтвердили сами американские руководители. Нельзя в этой связи не

привести откровенное заявление Р. Макнамары, занимавшего пост министра обороны США в 60-е годы. В интервью, данном корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс» в апреле 1982 г., Р. Макнамара, выступающий сейчас за то, чтобы привести элементы реализма и осторожности в американскую стратегию, и критикующий администрацию Рейгана за стратегический авантюризм, сказал: «Прочтите еще раз мой меморандум президенту Кеннеди (от 21 ноября 1962 г., недавно рассекреченный. — Г. Т.). Сегодня мне страшно даже читать его: «ВВС в общем склоняются к поддержке такого развития вооруженных сил, чтобы это обеспечило Соединенным Штатам потенциал первого удара, в применении которого Советский Союз не сомневался бы благодаря нашей способности ограничить ущерб для США и наших союзников уровнем, приемлемым с учетом обстоятельств и возможных вариантов». Имеется в виду, что ВВС поддержали увеличение американских вооруженных сил в таких масштабах, чтобы они получили возможность при первом ударе уничтожить такую большую часть советских ядерных сил, что у русских не осталось бы достаточно оружия для того, чтобы ответный удар с их стороны мог вызывать у нас какую бы то ни было тревогу. Бог мой, если русские считали, что такова наша цель, то как, по-вашему, они должны были реагировать? По-моему это объясняет... многие их действия».

Запланированное быстрое наращивание Соединенными Штатами числа стратегических боеголовок, обеспеченных средствами доставки (в том числе путем установки на межконтинентальные баллистические ракеты многозарядных разделяющихся ядерных головных частей, то есть систем МИРВ), должно было, по расчетам американских гражданских стратегов (широко привлеченных Р. Макнамарой на работу в Пентагон из разного рода научно-исследовательских учреждений, занимающихся разработкой стратегических вопросов), создать для США превосходство по контрсиле в рамках начавшего складываться между США и СССР общего стратегического паритета⁵. Обладая таким превосходством, США надеялись «сдерживать» СССР сильнее, чем

⁵ Американская стратегическая теория проводит различие между так называемым контрценностным ударом, т. е. ударом по городам, заводам и другим «основным ценностям» противника, и уда-

СССР сдерживает США. Это, по замыслам американских теоретиков и лидеров, должно было давать Соединенным Штатам возможность несдержанного поведения «на периферии» — использования обычных вооруженных сил для борьбы против национально-освободительных и иных революционных движений.

Под прикрытием, как считалось в Вашингтоне, «благоприятствующего США стратегического фона» Соединенные Штаты при президенте Кеннеди напрямую ввязались в гражданскую войну в Индокитае с целью недопущения победы национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме. Однако эта авантюра, как известно, оказалась роковой для Вашингтона. Фиаско США во Вьетнаме явилось как бы эпитафией курсу политики с позиции силы, проводившемуся различными американскими правительствами с 1945-го до начала 70-х годов. Половину этого периода США провели в войнах — корейской и вьетнамской (не говоря уже о многих более мелких военных интервенциях): единственная крупная держава—участница второй мировой войны, фактически так и не прекратившая воевать по ее окончании.

Подытоживая уроки конца 60-х годов для американской внешней политики, небезызвестный Г. Киссинджер заявил: «Наши внешнеполитические затруднения часто описываются как наследие Вьетнама. Но тяжелейшее вьетнамское испытание было не причиной, а лишь симптомом. Конец 60-х годов, совпавший с вьетнамской эпопеей, означал конец того периода, когда Америка была несравнимо более могущественной, чем любая другая страна, когда мы могли решать проблемы в одиночку и решать их исключительно с помощью своих собственных ресурсов».

ром контрсилowym, призванным поразить военные цели противника, в первую очередь его ядерные ракеты, подводные лодки и их базы, бомбардировщики на аэродромах, центры военного управления, большие скопления войск и т. д. Превосходство по контрсиле, таким образом, означает обеспечение большей эффективности собственных стратегических сил при обмене ядерными ударами, нацеленными на военные объекты другой стороны. Это может достигаться путем как количественного наращивания, так и качественного совершенствования наступательных стратегических вооружений (их надежности, быстродействия, точности и т. д.), а также с помощью активной противоздушной (ПВО) и противоракетной (ПРО) обороны и пассивной (укрепление, рассредоточение) защиты этих вооружений.

Таким образом, Соединенные Штаты, учитывая изменения в соотношении сил в мире, вынуждены были довольствоваться более скромной ролью на мировой арене и соотносить свою политику с политикой других государств. «Особенности современного капитализма, — отмечалось в этой связи в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — в значительной мере объясняются тем, что он приспосабливается к новой обстановке в мире»⁶.

Корректировка стратегических установок

В своем внешнеполитическом послании конгрессу США от 18 февраля 1970 г., претенциозно озаглавленном «Новая стратегия в интересах мира», республиканский президент Р. Никсон назвал, так сказать, три столпа, на которых новое американское правительство собиралось строить свою военно-политическую стратегию. Такими столпами были: партнерство, сила (здесь подразумевалась в первую очередь военная сила) и переговоры. Включение переговоров с потенциальными противниками в качестве равноправного элемента в набор средств стратегии наряду с традиционными ее элементами «силой» и «партнерством» (т. е. военной блоковой политикой) явилось тем новым обстоятельством, которое свидетельствовало о повороте США к несколько большему реализму во внешней политике.

Более того, вступая второй раз на пост президента в январе 1973 г., Р. Никсон позволил себе прямо polemизировать с философией президента Д. Кеннеди относительно миссии США в мире. Последний, став хозяином Белого дома в 1961 г., так говорил о целях США: «Мы заплатим любую цену, взвалим на себя любое бремя, пойдем на любые лишения и выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы». Иначе говоря — успех порядков, угодных американскому империализму.

Р. Никсон 12 лет спустя высказался иначе: «Прошло то время, когда Америка превращала конфликты всех

⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1973, с. 14—15.

других народов в свои собственные, брала на себя ответственность за судьбы всех прочих стран и считала своим долгом указывать народам других стран, как решать их проблемы».

Такая более скромная оценка американских сил и возможностей, конечно же, не означала отказа Соединенных Штатов вообще от какого бы то ни было противоборства на мировой арене с потенциальными противниками. Подобный подход, однако, свидетельствовал о стремлении американского руководства в условиях изменившегося соотношения сил перенести центр тяжести противоборства в невоенные сферы, менее опасные для США.

Основным политическим документом, определившим установки новой военно-политической стратегии республиканской администрации, явилась так называемая «доктрина Никсона». «Смысл доктрины, — заявил президент, — состоит в том, что США будут участвовать в обороне и развитии наших союзников и друзей, но Америка не может — и не будет — разрабатывать все планы, все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме оборону свободных стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная нужда и когда это будет отвечать нашим интересам... Наши обязательства должны определяться нашими интересами, а не наоборот».

«Доктриной Никсона» Вашингтон как бы предупредил своих союзников, что все обязательства по военным договорам будут выполняться им не автоматически, а в зависимости от обстоятельств, времени, заинтересованности самих США и т. д. Тем самым Соединенные Штаты обеспечивали себе большую свободу маневра при осуществлении своих целей.

«Доктрина Никсона» наряду с определенным реализмом содержала много элементов традиционного империалистического подхода, модифицированного применительно к новым обстоятельствам. Основным элементом такой модификации в широком смысле — помимо более свободного отношения к формальным американским внешнеполитическим обязательствам — явилась попытка возвращения к традиционной для США концепции баланса сил, причем с попыткой обеспечить США роль суперарбитра между другими «полюсами силы».

В развитие «доктрины Никсона» Вашингтон осуществил в 70-е годы целый ряд шагов на международной арене, которые, по его замыслам, должны были привести к большей свободе действий страны, к более равномерному распределению между США и их союзниками «бремени и ответственности» за сохранение устоев капитализма, к более спокойным и нормальным отношениям с потенциальными противниками.

Стратегия «реалистического сдерживания» (1970—1976). Через два года после своего прихода к власти в США республиканское правительство Никсона официально объявило о том, что оно пересмотрело стратегию национальной безопасности. В результате этого пересмотра стратегия «гибкого реагирования» 60-х годов была официально заменена стратегией «реалистического сдерживания».

Министр обороны США М. Лейрд, говоря в 1971 г. о новой американской стратегии, заявил: «Четыре главные фактора реальной действительности, приведшие к принятию новой стратегии, таковы: стратегическая реальность, финансовая реальность, реальное положение с людской силой и политическая реальность. Стратегическая реальность включает в себя прежде всего колоссальный рост военной мощи Советского Союза, явно уступавшего нам в силе в начале 60-х годов и добившегося сегодня почти что паритета».

Обсуждая другие факторы «стратегической реальности», Белый дом учитывал также создание Китайской Народной Республикой ядерного оружия и антисоветскую направленность политики Пекина. Планируя стратегию США на 70-е годы, вашингтонские лидеры стали исходить из предпосылки о том, что руководство КНР не будет действовать солидарно с СССР в той или иной кризисной ситуации, связанной с военной провокацией США или их союзников.

Более того, республиканское правительство объявило о том, что в соответствии с установками новой стратегии США отныне в своем военном строительстве будут ориентироваться на обеспечение способности к ведению не двух с половиной войн, как раньше (большой войны в Европе, большой войны в Азии и «половинной» — малой — войны где-то еще), а всего лишь полутора войн. При этом оно дало прямо понять Пекину, что речь идет о ликвидации способности США к «большой ази-

атской войне; иначе говоря — войне против КНР! И хотя на деле Соединенные Штаты никогда не имели способности к ведению «двух с половиной войн» (даже «половинная» с точки зрения Вашингтона война во Вьетнаме потребовала использования значительной части американских вооруженных сил), это декларированное изменение доктринальных установок явилось недвусмысленным сигналом Белого дома пекинскому руководству о намерениях США существенно уменьшить военную угрозу Китаю. Этот шаг Вашингтона безусловно подтолкнул Пекин на радикальное улучшение отношений с Соединенными Штатами.

Стратегия «гибкого реагирования» 60-х годов молчаливо признавала девальвацию американского ядерного арсенала перед лицом окрепшей обороноспособности СССР, роста его стратегических вооружений. Стратегия «реалистического сдерживания» сохраняла эту линию, выражающуюся в установке на нежелательность ядерного конфликта с СССР. Более того, учитывая «урок Вьетнама», США стали осторожнее подходить и к использованию своих обычных вооруженных сил. Отсюда попытка замены чисто американской военной силы «совокупной силой» Запада.

В соответствии со стратегией «реалистического сдерживания» количественная сторона военных приготовлений, в первую очередь в области живой силы, начала по преимуществу трактоваться как дело союзников и партнеров США. Себе Вашингтон отвел в первую очередь обязанность улучшения качества основного ядра вооруженных сил — стратегического ракетно-ядерного арсенала — при параллельном совершенствовании обычных вооружений. Вместо опоры на сухопутные силы, представляемые Соединенными Штатами по первому требованию американских партнеров, Вашингтон потребовал от своих союзников военной опоры на собственные силы. И это относилось не только к азиатским союзникам США, где стала осуществляться замена американских вооруженных сил местными (программы «вьетнамизации», «кореизации» и т. д.), но и к американским союзникам по НАТО.

Однако, осуществляя известный пересмотр своих военных обязательств, форм и способов вмешательства в локальные конфликты, американское руководство не переставало подчеркивать, что США отнюдь не отказы-

ваются от своей «глобальной роли», а лишь модифицируют практику ее осуществления. «Доктрина Никсона, — подчеркнул президент США в беседе с известным американским журналистом Сульцбергером, — предназначена для специфической цели сохранения американской роли в мире, а отнюдь не для отказа от международной ответственности... Наша ответственность не ограничивается ответственностью за этот великий континент (С северной и Южной Америки. — Г. Т.), но включает Европу, Средний Восток, Юго-Восточную Азию, Восточную Азию, многие районы, судьбы которых затрагивают мир на Земле... Только Соединенные Штаты, — самоуверенно добавил он, — обладают достаточной силой, чтобы быть в состоянии поддерживать баланс сил в Европе и в других районах, которые в ином случае могли бы оказаться затронутыми».

Была увеличена экономическая и военная помощь, оказываемая США своим союзникам по военным блокам и другим странам, выступающим в качестве локальных форпостов американского империализма.

Наряду с уменьшением военного присутствия за рубежом Соединенные Штаты видоизменили и сами его формы, делая больший упор на мобильные военно-морские силы, не столь зависящие от военных баз на иностранных территориях. В порядке понижения заметности американского военного присутствия в мире и в то же время с целью компенсации сокращения своего сухопутного присутствия, Соединенные Штаты усилили постоянное военно-морское патрулирование в Тихом океане, Средиземном море и в особенности в Индийском океане и Персидском заливе.

Осуществляя сокращение обычных вооруженных сил, раздутых в период вьетнамской войны, республиканская администрация уменьшила их численность с 3548 тыс. человек до 2100 тыс. человек. С 1 июля 1973 г. США отказались от призыва и перешли к формированию вооруженных сил на добровольческой основе. При этом сокращение численности вооруженных сил США было в значительной мере компенсировано повышением боеготовности и улучшением качества подготовки сил резерва и национальной гвардии.

Вместо явно провоцирующей концепции превосходства администрацией США в 1971 г. была выдвинута концепция «достаточности» вооруженных сил. Эта кон-

цепция, с одной стороны; вынужденно признавала факт стратегического паритета между СССР и США и невозможность приобретения Соединенными Штатами в будущем сколь бы то ни было значимого превосходства над потенциальным противником в области стратегического ракетно-ядерного потенциала. С другой стороны, формула «достаточности» набрасывала дополнительный покров тайны на основные принципы американского военного строительства.

Можно считать, что в основе концепции «достаточности» лежало стремление американского руководства и Пентагона сохранить лидерство в области качественного совершенствования стратегических вооружений при согласии на более или менее равные количественные уровни стратегических вооружений США и Советского Союза,

Было решено, что в условиях, когда мир «вновь вернулся» к «многополюсному балансированию», Соединенные Штаты могут возвратиться к традиционной концепции военного строительства по оптимальному, а не максимальному варианту, ввиду того, что другие центры силы в какой-то мере уравнивают друг друга.

В рамках общих переговоров с СССР о «кодексе поведения» США выразили готовность вести переговоры о стабилизации военного равновесия путем ограничения гонки вооружений, в первую очередь стратегических.

Следует отметить, что, несмотря на все эти поправки в стратегии, большинство американских военных теоретиков не видело какой-либо принципиальной разницы между стратегией «реалистического сдерживания» и стратегией «гибкого реагирования» и считало первую практическим продолжением второй лишь под другим названием. Более или менее собственное содержание стратегии «реалистического сдерживания» появилось лишь с выдвижением «доктрины Шлесинджера» о перенацеливании американских стратегических сил с гражданских на военные объекты в СССР. Эту концепцию Дж. Шлесинджер, занимавший пост министра обороны в администрациях президента Р. Никсона и затем президента Дж. Форда, впервые изложил на пресс-конференции в Вашингтоне 10 января 1974 г. и подробно развил в своем докладе конгрессу о военном бюджете США на 1975/76 финансовый год.

Доктрина «ограниченной» ядерной войны («доктрина

Шлесинджер»). Представленная Шлесинджером концепция «ограниченной войны» была дальнейшим развитием контрсиловых аспектов стратегии Вашингтона, стремлением американского руководства тем или иным образом вырваться из сковывающей свободу их действий ситуации стратегического ядерного паритета между СССР и США.

В свое время, когда США были монополистами на атомное оружие, и даже в первое десятилетие после ликвидации американской атомной монополии, когда американские руководители считали, что Соединенные Штаты обладают гораздо большим, чем СССР, числом как ядерных бомб, так и эффективных средств доставки ядерного оружия, они не ставили вопроса ни о каких ограничениях на ядерную войну.

Массированные бомбардировки центров промышленности и населения противника рассматривались в качестве основного способа использования ядерного оружия, рассчитанного на то, чтобы сломить волю противника и выиграть войну. Однако после того как у другой стороны — СССР — появились не менее эффективные средства доставки ядерных зарядов на цели в США, американские стратеги и официальные лица принялись добиваться теоретических ограничений на стратегическую ядерную войну, с тем чтобы придать даже такой войне «более военный», более традиционный характер. Этого, как считается, можно достигнуть путем использования стратегических ядерных сил в основном не против гражданских объектов, а против военных целей: командных постов, ракетных шахт, авиабаз, баз подводных лодок, военных складов, концентраций войск и т. д. Именно такого типа обмен ядерными ударами и предусматривался «доктриной Шлесинджера». Выдвигая тезис о перенацеливании стратегических сил США с гражданских на военные объекты в СССР, американское руководство как бы давало понять Советскому Союзу: в случае если дело дойдет до обмена ядерными ударами, США, мол, не будут стремиться к чрезмерным разрушениям и жертвам на территории другой стороны, а будут выводить из строя лишь ее вооруженные силы и военные объекты. А раз такова будет стратегия США, то и у другой стороны должен появиться сильнейший побудительный мотив воздержаться от ударов по американским гражданским центрам и ограничить свой

удар только по военным объектам. Делая упор на контрсиловых аспектах стратегии, американские военные руководители не столько заботились о судьбах советского и своего собственного гражданского населения, сколько стремились сделать стратегическое ядерное оружие реально используемым в войне, а не просто средством удержания потенциального противника от нападения на США угрозой сокрушительного ответного удара.

В самом деле, контрсиловой удар по военным объектам другой стороны наиболее эффективен лишь в качестве первого—обезоруживающего—удара. Имеет смысл бить по ракетам и бомбардировщикам другой стороны, пока они еще не запущены на цели; наносить же ответный удар по пустым шахтам и аэродромам вряд ли целесообразно. Стало быть, официально выдвигая концепцию контрсиловой стратегической войны, американское руководство хотело не только ее легализовать, но и фактически повысить стратегическую ядерную угрозу СССР даже в условиях мирного времени. И это фактически подтвердил тот же Шлесинджер, заявивший в июле 1975 г., что США не исключают применения стратегического ядерного оружия первыми.

Отчасти выдвигание этой концепции и разглаживание министра обороны о первом ударе можно было объяснить тем, что, демонстрируя такую воинственность, Вашингтон стремился отвлечь внимание от крупнейшего поражения США: весной 1975 г. пал Сайгон и пришел конец марионеточному проамериканскому режиму в Южном Вьетнаме. Однако в более широком плане «доктрина Шлесинджера» была попыткой американского руководства добиться для Соединенных Штатов даже в условиях стратегического паритета между СССР и США, зафиксированного советско-американскими соглашениями 1972 г. об ограничении стратегических вооружений, определенных частных стратегических преимуществ.

Выступая со своей концепцией, Шлесинджер лишь официально и публично подтверждал те стратегические установки, которые, как отмечалось, фактически были заложены ранее. На максимализацию контрсиловых возможностей США было нацелено и стратегическое строительство США в конце 60-х — первой половине 70-х годов, когда Пентагон, прекратив количественный рост своих стратегических вооружений, перешел к их

качественному совершенствованию (развертывание более компактных и более точных разделяющихся головных частей на МБР — система МИРВ, увеличение зарядности стратегических бомбардировщиков путем оснащения их ядерными ракетами класса «воздух—земля»). Эти меры позволили быстро увеличить количество стратегических ядерных зарядов при сохранении прежнего числа стартовых комплексов. Как признал впоследствии Г. Киссинджер, Пентагон прямо делал ставку на то, что замораживание числа пусковых установок МБР в США и СССР, осуществленное по соглашению ОСВ-1, при отсутствии ограничений на число боеголовок на каждой ракете создаст для США значительное преимущество над СССР, поскольку Пентагон надеялся, что Соединенные Штаты на длительное время останутся единственными обладателями системы разделяющихся головных частей «РГЧ» с индивидуальным наведением зарядов на цели. В этом он, однако, просчитался, недооценив научно-технические возможности Советского Союза.

Пентагоновские деятели, конечно, понимали, что договоренность с любым потенциальным противником о каких-то правилах войны, правилах обмена ядерными ударами, которые увеличили бы американские возможности и сократили возможности другой стороны, недосяжима. Такого рода «правила» можно лишь надеяться навязать с позиции превосходящей силы. И для того, чтобы побудить другую сторону вести борьбу по американским «правилам», Соединенные Штаты должны были сохранять в резерве силы «гарантированного уничтожения», предназначенные для ударов по городам и промышленным целям.

Иначе говоря, американское руководство исходило из того, что определенные качественные преимущества в области стратегических вооружений и большее число стратегических ядерных зарядов, обеспеченных средствами доставки, дают США возможность даже в условиях общего паритета сторон по числу стратегических пусковых установок добиться лучшего для себя исхода «ядерного обмена», особенно если США ударят первыми по советскому стратегическому комплексу и тем самым значительно ослабят силу советского ответного удара, сохранив в то же время силы и для массированного второго удара по СССР в случае необходимости.

Именно эти установки были заложены в «меморандум о решении в области национальной безопасности № 242», одобренный президентом Никсоном в апреле 1974 г.⁷ и практически реализованный в едином интегрированном оперативном плане № 5, принятом в декабре 1975 г. Этот план распределял ядерные силы США и их союзников по НАТО между 25 тыс. целей на территориях СССР и стран Варшавского Договора.

«Доктрина Шлесинджера» фактически служила пропагандистски публичным изложением некоторой части секретных установок американского правительства, таким их отражением, которое, по мнению американских политиков, должно было бы произвести наибольшее впечатление на потенциального противника.

Наконец, само обсуждение проблемы «стратегического ядерного обмена» между США и СССР, затеянное Вашингтоном в ситуации разрядки, в ситуации, когда уже начались переговоры о втором советско-американском соглашении по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-2), было призвано, так сказать, охладить разрядку, показать, что США отнюдь не торопятся идти вперед в деле улучшения советско-американских отношений.

На заключительном этапе президентства Дж. Форда, в 1976 г., была предпринята разработка документа по оценке «советской военной угрозы», который впоследствии стал базой для пропагандистского обеспечения нового тура наращивания вооружений в США и влияние которого ощущается по сей день. Речь идет о докладе так называемой «группы Б» в составе 10 «независимых» (т. е. не состоящих на государственной службе) военных экспертов и советологов (группу возглавил известный советолог Р. Пайлс, среди ее членов были уже упоминавшийся П. Нитце, отставной генерал Д. Грэхэм и другие лица, именуемые в самой американской буржуазной печати «ястребами» за свои воинственные призывы). «Группа Б» представила доклад, в котором все

⁷ Ключевые решения США по вопросам стратегии в 60—70-е годы формулировались в документах, носивших разные названия при разных президентах: «проект президентского меморандума» в период правления Кеннеди и Джонсона, «меморандум о решениях в области национальной безопасности» во время пребывания в Белом доме Никсона и Форда и «президентский обзорный меморандум» и обязывающая к его исполнению «президентская директива» в период администрации Картера.

оценки военной мощи СССР и особенно его намерений в области военного строительства были завышены еще более, нежели те заведомо преувеличенные данные, которые поставляло администрации ЦРУ («группа А»). Именно новые, сверхзавышенные оценки были утверждены тогдашним директором ЦРУ Дж. Бушем (теперь вице-президент США) и стали базой для дальнейшего военного строительства.

Таким образом, администрация Картера получила в наследство от республиканцев и комплекс долгосрочных программ наращивания вооружений, и соответствующее пропагандистское прикрытие.

Теперь оценки «группы Б» остаются, по утверждению газеты «Нью-Йорк таймс», «евангелием для консерваторов из обеих партий, включая Рейгана и его советников». Не удивительно, что ряд этих авторов доклада (Пайпс, Ван-Клив, Нитце, Грэхэм) были в числе советников Рейгана в ходе предвыборной кампании, а кое-кто из них занял и официальные посты в его администрации.

Стратегия «компенсирующего противодействия» (1977—1980). Приход к власти в январе 1977 г. администрации демократической партии во главе с президентом Дж. Картером не привнес чего-либо существенно нового в военно-политическую доктрину или стратегию США. Президент поручил министру обороны Г. Брауну продолжать делать ставку на сохранение Соединенными Штатами способности к нанесению «неприемлемого ущерба» противнику путем ответного удара (даже если по США будет нанесен первый ядерный удар). Вместе с тем перед вооруженными силами США была также поставлена задача иметь способность к выборочным ядерным ударам.

Таким образом, речь, по сути дела, шла о дальнейшем развитии стратегии «гибкого реагирования», которая с 1961 г. фактически и является стратегией США, несмотря на то что администрация Никсона переименовала ее в стратегию «реалистического сдерживания», а администрация Картера — в стратегию «компенсирующего противодействия».

В своих выступлениях, посвященных проблемам стратегии и строительства вооруженных сил США, Браун подчеркивал, что Соединенные Штаты будут стремиться к сохранению принципиального равновесия с СССР

в области стратегических вооружений. Поддержание такого равновесия требует, по утверждению Брауна, выполнения четырех общих условий:

«1. Советские стратегические ядерные силы не должны становиться используемым инструментом политического воздействия, дипломатического нажима или военного превосходства;

2. Должна поддерживаться ядерная стабильность, особенно в случае кризиса;

3. Любые советские преимущества в (тактико-технических) показателях стратегических сил должны компенсироваться преимуществами США в других такого рода показателях;

4. США не должны уступать Советскому Союзу — ни в действительности, ни в чем-либо представлении — в силе своих стратегических позиций».

Официально выступая за сохранение определенной степени равновесия с Советским Союзом в стратегической области, американское руководство реально сделало ставку на накопление стратегических преимуществ по отношению к СССР. Наиболее результативный способ получения таких преимуществ оно усматривало в дальнейшем наращивании и совершенствовании контрсилового потенциала американских стратегических сил. Несмотря на кажущиеся зигзаги в официально провозглашавшихся Вашингтоном доктринальных установках, реальная американская стратегическая политика в 60—70-е годы состояла в целенаправленном развитии стратегических сил в сторону постепенного повышения их контрсиловых возможностей. (Постепенность, кстати сказать, вытекала не из какого-то сознательного замедления этого процесса политическим руководством, как это утверждают в расчете на несведущих людей некоторые американские авторы, а от чрезвычайной сложности технических решений, в особенности касающихся повышения точности нацеливания ракет.) Именно в создании превосходства по контрсиле американское политическое руководство усматривает возможность сохранить американский стратегический арсенал не только в качестве средства «разубеждения» потенциального противника от нападения на США (т. е. средства «сдерживания»), но и в качестве реального инструмента инициативного развязывания и ведения ядерной войны с расчетом на ее выигрыш.

Однако ситуация конца 70-х годов отличалась для Вашингтона от предыдущего десятилетия в одном кардинальном отношении: сложился реальный советско-американский стратегический паритет — не просто суммарное численное равенство стратегических пусковых установок обеих сторон, а равенство по реальным боевым возможностям их стратегических сил.

Дело в том, что до середины 70-х годов, даже после подписания первых советско-американских соглашений по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1), Белый дом и Пентагон продолжали верить, что США обладают значимым стратегическим превосходством над СССР, обеспеченным качеством американских стратегических вооружений, мощной стратегической авиацией (оставшейся вне рамок ОСВ-1), наличием американских ядерных систем передового базирования в Европе и Азии. И поэтому когда американские теоретики рассуждали о возможности «взаимного гарантированного уничтожения», они вставляли термин «взаимный» лишь для успокоения другой стороны. На деле они считали, что такое уничтожение будет односторонним уничтожением Соединенными Штатами Советского Союза. Кстати говоря, именно поэтому ни один американский министр обороны в отличие от стратегических теоретиков никогда не употреблял фразы «взаимное уничтожение». И хотя и Макнамара, и Шлесинджер, и сменивший его 6 ноября 1975 г. на посту министра обороны Рамсфельд предпринимали исподволь меры, направленные на то, чтобы усилить способность стратегических сил США наносить удары по «точечным» военным объектам вроде ракетных шахт, все они были убеждены в том, что и без такого рафинирования американских наступательных стратегических вооружений ядерный арсенал США превосходит советский. По их мнению, это давало США возможность безнаказанно прибегать если не к ядерной войне, то по крайней мере к угрозе такой войной, тем более — к военным операциям ниже ядерного уровня и успешно вести силовую дипломатию.

Но что бы ни считали американские военачальники в начале 70-х годов, к концу 70-х им пришлось признать, что стратегический арсенал СССР сравнялся с арсеналом США не только по некоторым количественным показателям, но и по качественным характеристикам, по своим реальным боевым возможностям. Это до-

стижение Советским Союзом «безусловного стратегического паритета» с США, откровенно признал Гарольд Браун накануне передачи своего поста новому министру — члену республиканского кабинета К. Уайнбергеру, «окончательно похоронило то, что, как мы знали, было и так уже давно мертво», а именно американскую веру в то, что угроза массированного ядерного удара США по советским городам продолжала оставаться эффективным козырем американской политики и дипломатии.

Значительная часть американского внешнеполитического и военного руководства не пожелала, однако, смириться с такого рода паритетом и развернула широкую кампанию в США против договора ОСВ-2 (фиксирующего такой паритет). Одновременно Вашингтон усилил заигрывание с контрсиловыми концепциями. Стратегия «компенсирующего противодействия» как раз и явилась установкой, ориентировавшей США на новый рывок к созданию превосходства по контрсиле.

Ее суть, утверждал Г. Браун, состоит в расширении набора целей на территориях Советского Союза и других социалистических государств. Она предусматривает «варианты атаки на цели, которые составляют структуру военных сил и структуру политической власти» при сохранении стратегического резерва достаточного для удара в случае необходимости по городским и промышленным центрам. Стратегия «компенсирующего противодействия» нашла свое отражение в подписанной Дж. Картером 25 июля 1980 г. президентской директиве № 59, предусматривающей «ограниченную ядерную войну» против СССР, а также в новом едином интегрированном плане распределения целей (СИОП-5Д), включавшем 40 тыс. целей (вместо 25 тыс. в предыдущем). Поскольку США на начало 80-х годов обладали 10 тыс. стратегических ядерных зарядов, обеспеченных средствами доставки, план СИОП-5Д предусматривает различные варианты «набора целей» в зависимости от решений политического руководства, что обеспечивается возможностью быстрого перенацеливания ракет с одних объектов на другие.

В сентябре 1980 г. на специальных закрытых слушаниях в сенатской комиссии по иностранным делам администрация США, отвечая в письменном виде на вопрос о том, в чем суть «ограниченности» ядерного уда-

ра, предусматриваемого директивой № 59, разъяснила, что такой удар должен быть «высокоэффективным (и «ограниченным» лишь в том специальном смысле, что он может быть меньшим, чем максимально возможный удар)». Сама двусмысленность по поводу этой мнимой ограниченности ядерной войны, как было подчеркнуто, связана с тем, что «мы хотим, чтобы советское руководство было не уверено» относительно реального характера американского ядерного удара. Тем не менее было подчеркнуто, что стратегия «компенсирующего противодействия» предусматривает «способность США угрожать значительной части их (советских. — Г. Т.) МБР шахтного базирования упреждающим ударом».

Таким образом, агрессивный характер указанной стратегии вытекал даже из официальных заявлений правительства. Если же взять высказывания американских военных теоретиков, то некоторые из них уже без обиняков расшифровывают то, на что официальные лица лишь намекают. Например, Колин Грей, долгое время занимавший пост директора исследований по вопросам национальной безопасности в Гудзоновском институте, а ныне основавший в Вашингтоне собственный Национальный институт общественной политики, в одной из своих статей о стратегии писал: «Стратегическая стабильность не должна приравниваться к стратегическому пату, Соединенные Штаты не могут позволить себе генеральной стратегической концепции, которая предусматривает всеохватывающее взаимное американо-советское стратегическое сдерживание... Стабильный стратегический баланс с точки зрения интересов США и НАТО — это такой баланс, который позволял бы Соединенным Штатам:

— инициативно начинать использование стратегических ядерных сил в ожидании выигрыша;

— захватывать и удерживать позицию «эскалационного доминирования»;

— сдерживать советскую эскалацию или контрэскалацию путем мощной угрозы наиболее жизненно важным активам советского государства и путем способности Соединенных Штатов ограничить собственный ущерб».

Стало быть, речь идет о типичных агрессивных концепциях развязывания и выигрыша ядерной войны путем превентивного обезоруживающего удара, хотя в официальных рассуждениях эта коренная стратегиче-

ская установка Вашингтона маскируется под «сдерживание» или даже «взаимное сдерживание».

Для достижения контрсилового превосходства правительство Картера развернуло большую программу наращивания вооружений и протащило через НАТО широкую программу военных приготовлений для этого блока. Военный бюджет США, составлявший в момент прихода к власти администрации Картера в 1977 г. 113 млрд. долл. (по статье «текущие расходы»), был запланирован администрацией Картера на 1982 финансовый год в размере 180 млрд. долл. и увеличен администрацией Рейгана до 183 млрд. долл.

За 70-е годы США приняли на вооружение многие качественно новые стратегические системы: баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Посейдон С-3», оснащенные разделяющимися головными частями до 14 боеголовок на ракете по 50 кт каждая), новые БРПЛ типа «Трайидент-1» (8 боеголовок на ракете по 100 кт каждая, дальность стрельбы около 8 тыс. км), начали строительство новых атомных подводных лодок класса «Огайо» — носителей ракет «Трайидент» (24 ракеты на каждой лодке). С 1970 г. было развернуто 550 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Минитмен-3», оснащенных разделяющимися головными частями с индивидуальным наведением зарядов на цели (3 боеголовки по 170 кт каждая; с 1977 г. эти ракеты переоснащаются новыми головными частями Mk-12A, содержащими три ядерных боеголовки по 350 кт каждая, и улучшенными системами наведения, повышающими точность стрельбы). Тем самым были существенно обновлены морской и наземный компоненты американской стратегической «триады» (третий компонент — стратегические бомбардировщики).

Был развернут комплекс противоракетной обороны на базе Гранд-Форкс в штате Северная Дакота со 100 антиракетами на стартовых позициях (который был частично заморожен после подписания в 1972 г. советско-американского договора об ограничении систем ПРО). Завершились также работы по развертыванию новых систем противолодочной обороны (ПЛО), а также началось производство новых многоцелевых атомных подводных лодок класса «Лос-Анджелес».

Был сконструирован новый сверхзвуковой стратегический бомбардировщик В-1 (с максимальной боевой

пагрузкой 34 т). Однако по ряду соображений администрация Картера решила не запускать самолет в серийное производство, хотя четыре изготовленных образца самолета продолжали проходить испытания. Были разработаны и развернуты на стратегических бомбардировщиках новые баллистические ракеты класса «воздух—земля» с ядерными боеголовками (24 ракеты на самолете В-52). Наконец, были созданы и испытаны стратегические крылатые ракеты — новое оружие с широкими боевыми возможностями.

Соединенные Штаты, кроме того, разработали и запустили целый ряд военных навигационных и разведывательных спутников, а также ввели в строй иные системы дальнего обнаружения (в частности, радары загоризонтного видения), радикально улучшили системы связи, командования и контроля. За 70-е годы на совершенствование американских военных систем связи, командования и контроля было израсходовано около 25 млрд. долл. Однако администрация Картера считала произведенные улучшения недостаточными для эффективного ведения боевых операций. Поэтому президент подписал две директивы — № 53 и № 58, предусматривавшие широкий круг мероприятий по повышению живучести указанных систем и защищенности американского высшего руководства в условиях ядерной войны. Был принят на вооружение целый ряд новых оперативно-тактических систем оружия для армии, ВВС и ВМС, существенно повысивших эффективность обычных вооруженных сил и вооружений.

Администрация Картера ускорила работы над новыми стратегическими и обычными вооружениями, в частности, над новым поколением БРПЛ «Трайидент-2», новыми типами крылатых ракет (в том числе сверхзвуковых), боевыми частями и более точными системами наведения для МБР, над рядом систем противоракетной и противокосмической обороны (поскольку опытно-конструкторские работы в этой сфере не запрещены договором 1972 г. об ограничении систем ПРО), над нейтронным оружием и т. д. В июне 1979 г. президент США, угождая американским «ястребам», дал зеленый свет программе создания новой наземной стратегической мобильной ракетной системы МХ. Согласно программе Картера, предполагалось развернуть начиная с 1986 г. 200 мобильных ракет МХ, которые должны быть осна-

щены разделяющимися головными частями с индивидуальными боеголовками, не просто летящими на цель по баллистической кривой, а маневрирующими на подлете к цели и гораздо более точными (система МАРВ). В целях повышения живучести ракет МХ их предполагалось систематически перемещать между 4600 специальными укрытиями в американских штатах Юта и Невада.

Администрация Картера также начала уделять повышенное внимание подготовке высококомобильных интервенционистских сил США для использования на зарубежных театрах помимо Европы. Она же провозгласила районы Дальнего Востока, Южной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки (не считая Западной Европы) сферами «жизненно важных интересов США» и начала активно создавать там новые военные базы и опорные пункты, а также усилила военную деятельность на просторах Мирового океана.

Администрация Рейгана: безудержная гонка вооружений

В январе 1981 г. в должность президента США вступил Р. Рейган. Он пришел в Белый дом на волне подъема шовинистических консервативных настроений, умело подогреваемых средствами массовой информации, обыгрывавшими тему «бессилия Америки», «советской военной угрозы», «угрозы сырьевого, в том числе энергетического, голода», «недопустимой уступчивости» США требованиям развивающихся стран и т. д.

Одним из ключевых пунктов внешнеполитической платформы республиканцев было обещание «восстановить военную мощь Америки» для того, чтобы получить возможность разговаривать с СССР, а также и с собственными союзниками с позиции силы. От слов администрация Рейгана не замедлила перейти к делу. Она объявила о том, что за пять лет (1982—1986 гг.) наметила израсходовать на военные приготовления 1,5 триллиона долл., причем 15% этой суммы — около 222 млрд. долл. — пойдут на дальнейшее наращивание и совершенствование стратегических ядерных сил США.

2 октября 1981 г., выступая в Белом доме, Рейган изложил свою программу совершенствования стратегических сил США. Новыми элементами этой программы явились два момента. Во-первых, было решено восстановить производство стратегического бомбардировщика В-1 (отмененное Картером) и развернуть начиная с 1986 г. 100 таких бомбардировщиков усовершенствованной модели. Во-вторых, было отложено окончательное определение метода базирования ракеты МХ. В связи с этим президент отменил картеровский план строительства 4600 укрытий для этих ракет в двух штатах Среднего Запада.

В мае 1982 г. Рейган подписал директиву СНБ № 35, предусматривающую, что 100 межконтинентальных баллистических ракет МХ будут размещены в сильно укрепленных шахтных пусковых установках на небольшом участке площадью всего около 12 кв. миль.

Разъясняя решение президента об отказе от идеи перемещения ракет МХ между тысячами укрытий и об их стационарном базировании, министр обороны Уайлбергер подчеркнул, что речь идет о приобретении США «быстрой контрсиловой способности против сильно укрепленных целей», иначе говоря средства первого удара по ракетам и другим военным объектам Советского Союза.

Все остальные меры правительства Рейгана в сфере строительства стратегических вооружений явились подтверждениями решений предыдущих администраций. Рейган заявил, что будет продолжаться конструирование «бомбардировщика-невидимки» (т. е. малозаметного для радаров), будут продолжаться работы над созданием новой ракеты «Трайидент-2» с маневрирующими боеголовками (МАРВ), которая должна начать поступать на вооружение в 1989 г. Предусматривается также несколько ускорить работы по введению в строй подводных лодок системы «Трайидент» (одна в год); улучшить систему ПВО, в частности американско-канадскую систему NORAD; продолжить экспериментальные работы над системами противоракетной и противокосмической обороны. Ранее, 6 августа 1981 г. (т. е. в годовщину американской атомной бомбардировки Хиросимы), Рейган принял решение начать полномасштабное производство нейтронного оружия. Предусмотрено переоборудование действующих бомбардировщиков В-52

для оснащения их крылатыми ракетами большой дальности; носителем крылатых ракет будет и новый стратегический бомбардировщик В-1В. В ближайшее время планируется произвести около 4 тыс., а к 90-м годам — около 7 тыс. крылатых ракет воздушного базирования. Американское военное командование также намерено оснастить крылатыми ракетами подводные лодки и надводные корабли. По сообщениям американской печати, в целом предусматривается произвести около 13 тыс. таких ракет разных типов и предназначения, из них до 40% в ядерном снаряжении.

На главном направлении гонки вооружений — в области ядерного оружия и средств его доставки — США ставят перед собой крайне опасную цель: добиться преимуществ, которые позволили бы им не только использовать это оружие как угрозу, но и обеспечили бы способность фактического развязывания ядерной войны с расчетом на победу в ней.

Уже в 70-х годах в результате принятия на вооружение стратегическими силами США новых многозарядных ракет количество ядерных зарядов, которые могут быть доставлены ими к целям «в одном залпе», по сравнению с 60-ми годами возросло почти втрое, достигнув 10 тыс. единиц. Кроме того, США имеют на вооружении 22 тыс. тактических ядерных зарядов.

Осуществление нынешних ракетно-ядерных программ позволит Соединенным Штатам иметь к концу 80-х годов дополнительно 20 тыс. ядерных боеголовок повышенной мощности и точности.

Ядерная программа Рейгана показала большую степень преемственности в военной политике США, определяемой в первую очередь министерством обороны; в то же время администрация Рейгана продемонстрировала намерение ускорить реализацию установки предыдущих администраций на повышение контрсиловых качеств стратегических сил США.

Важнейшим направлением военных усилий Вашингтона являются меры по повышению качества обычных вооружений, подготовке вооруженных сил, а также укреплению военных позиций США и их союзников в различных регионах мира. Несмотря на свое стремление получить превосходство по контрсиле, американское руководство, по-видимому, не считает, что оно может добиться его в ближайшем будущем. Поэтому оно исходит

из того, что советско-американский стратегический паритет в ближайшей перспективе сохранится, даже если процесс ограничения стратегических вооружений США и СССР не будет продолжен. Все это делает затруднительным, если не невозможным, прямое использование стратегических ядерных сил США против Советского Союза (ввиду неминимумости сокрушительного советского ответного удара). Поэтому американское руководство считает, что в обозримой перспективе стратегическая ядерная война не будет наиболее вероятной формой военного конфликта и что вероятными формами использования вооруженных сил будут региональные конфликты на неядерном (или тактическом ядерном) уровне. Именно поэтому Вашингтон полагает, что улучшение боевых возможностей Запада должно происходить за счет увеличения количества и повышения качества вооружений и вооруженных сил НАТО — в Европе, США и Японии — в Азии.

Планы наращивания в ближайшее время военной мощи США для применения в неядерных конфликтах характеризуются следующими количественными показателями:

увеличение примерно на 10%, т. е. почти на 1/4 млн. человек, численности личного состава вооруженных сил;

производство за пятилетие такого дополнительного к программе Картера количества боевых машин (танков, бронетранспортеров, боевых вертолетов), которого хватит для оснащения еще трех с половиной дивизий;

увеличение корабельного состава ВМС к 1995 г. до 650 кораблей (в настоящее время — 514 кораблей, цель ныне осуществляемой программы — 610 кораблей);

увеличение к 1987 г. численности тактической авиации ВВС, ВМС и корпуса морской пехоты (без вертолетов) с 3500 самолетов на конец 70-х годов до 6200 истребителей и штурмовиков.

В области качественной гонки обычных вооружений Вашингтон планирует направить основные усилия в 80-е годы на

оснащение сухопутных войск оружием точного наведения на цели, в частности противотанковыми ракетами;

вооружение тактической авиации новыми истребителями F-15, F-16, F-18 и разработку для них ракет сред-

ней дальности, способных поражать цели вне пределов прямой видимости;

повышение скрытности подводных лодок и разработку способов обнаружения лодок противника, а также оснащение военно-морских сил более совершенными средствами ПВО.

США ныне перешли к стратегии прямого противоборства с СССР в глобальном и региональном масштабах. Как подчеркнул министр обороны США Уайнбергер в своем докладе конгрессу от 8 февраля 1982 г., ориентация на такое противоборство «должна быть доминирующим соображением» во всем военном строительстве и стратегии США. Тот же Уайнбергер подчеркивает, что США даже в случае локального конфликта не будут ограничивать себя действиями на непосредственном фронте, а будут стремиться наносить удары по наиболее уязвимым местам противника, «всюду, где они существуют». Таким образом, принята концепция, утверждающая готовность США к глобальному расширению любого вооруженного конфликта, названная Уайнбергером «географической, или горизонтальной эскалацией». Рейгановская администрация пока что не дала своей стратегии какого-либо нового названия, однако для разработки ее «интеллектуальных основ» она учредила Центр по развитию стратегических концепций, который будет выступать в качестве консультативного органа при министре обороны и Комитете начальников штабов.

Практически можно констатировать, что в настоящий момент Соединенные Штаты разворачивают новый раунд гонки вооружений, призванный, по замыслам американских политиков, обеспечить осуществление следующих задач.

1. Создать для Соединенных Штатов позицию относительного превосходства, которое давало бы им возможность осуществлять «расширенное сдерживание» СССР, иначе говоря иметь свободу рук в плане военных действий на локальном и региональном уровнях и надеяться на «эскалационное доминирование» в случае прямого ракетно-ядерного конфликта между США и СССР. Как уже отмечалось, надежды Вашингтона на то, что Соединенные Штаты могут вести себя развязно на мировой арене, в то же время сдерживая Советский Союз от акций по пресечению такого рода поведения

США, рухнули с возникновением ситуации общего стратегического паритета между двумя странами. Ныне американское руководство надеется выйти из этого, как оно считает, «тупика» в использовании силы рывком в сторону создания превосходства по контрсиле.

2. Повысить готовность и способность США к реальному ведению боевых действий, особенно затяжных региональных операций на уровне ниже всеобщей ядерной войны.

3. Втянуть Советский Союз в новый тур гонки вооружений с упором на качественное совершенствование систем оружия. Эта задача ныне рассматривается Вашингтоном как задача первостепенной важности с точки зрения ослабления таким путем возможностей Советского Союза по развитию гражданских отраслей экономики. Важным направлением такого «втягивания» в Вашингтоне считают развертывание гонки вооружений в космосе. В то же время Вашингтон все время муссирует «угрозу» выйти из договора об ограничении стратегических оборонительных вооружений.

4. Создать дополнительный силовой фон для американской дипломатии и получить новые «козыри для торга» на переговорах по ограничению вооружений.

Понятно, что расчеты США вырваться на позиции одностороннего превосходства безосновательны. «... Мечты о достижении военного превосходства над СССР лучше бы отбросить, — отметил Л. И. Брежнев в интервью западногерманскому журналу «Шпигель». — Если уж понадобится, советский народ найдет возможности предпринять любые дополнительные усилия, сделать все необходимое для обеспечения надежной обороны своей страны»⁸.

США и НАТО

С момента создания военного блока НАТО в 1949 г. американский правящий класс рассматривал его в первую очередь как главный механизм американского контроля над политикой западноевропейских государств, хотя официально этот военный альянс предназначался для «коллективной самообороны».

По мере того как Западная Европа, ликвидируя пос-

⁸ Правда, 1981, 3 ноября.

левоенную разруху, приобретала собственные возможности обратного воздействия на политику США, слабели многие другие — помимо военного — рычаги американского влияния. В этих условиях военная организация НАТО приобретает с каждым годом все большую ценность для Вашингтона как, по сути дела, единственный оставшийся к настоящему времени в распоряжении США эффективный рычаг воздействия на западноевропейскую политику.

Для сохранения альянса в качестве действенного инструмента американского влияния необходимо, как это открыл для себя Вашингтон, чтобы США продолжали оставаться в глазах правящих кругов западноевропейских государств «гарантом» их «свободы и независимости». А для этого в свою очередь нужна вечно присутствующая «советская военная угроза». Блок, созданный на платформе антисоветизма, не может существовать без постоянной антисоветской «смазки». И хотя за три с лишним десятилетия непрерывных американских спекуляций на «советской угрозе» этот жупел в значительной мере потерял свою эффективность, тем не менее, сейчас в особенности, возможность влияния США на западноевропейские дела прямо пропорциональна степени правдоподобности — с точки зрения правящих классов западноевропейских государств — этой «угрозы». Именно поэтому даже в период пика советско-американской разрядки Вашингтон не переставал запугивать западноевропейских лидеров — в ходе заседаний НАТО и его комитетов — угрозой «агрессивных советских намерений в Европе».

С момента создания НАТО военная доктрина блока строилась на двух основных принципах: концепции выдвинутых вперед рубежей (что предполагало присутствие американских войск в Европе и их размещение непосредственно на границах с социалистическими странами, готовность Вашингтона использовать эти войска для боевых действий в Европе и перевооружение ФРГ) и концепции американского «ядерного зонтика» — некоей гарантии США применить свои стратегические ядерные силы в европейском конфликте. Стратегия США в НАТО была тесно связана с доктриной «холодной войны» и должна была служить способом военного «отбрасывания» социализма, в случае если политическое давление окажется нерезультативным.

В условиях, когда американские правящие круги были убеждены в ядерном превосходстве США над СССР (как в стратегическом, так и в оперативно-тактическом ядерном оружии), оперативной доктриной НАТО до 1967 г. была доктрина «массированного возмездия». Эта доктрина прикрывала псевдооборонительным ярлыком «возмездия» фактически наступательную стратегию, предусматривавшую использование американских ядерных средств (которые квалифицировались Вашингтоном в тот период в качестве «ядерного меча» НАТО) для нанесения поражения противнику (СССР и восточноевропейским социалистическим странам) и «восстановления предвоенного статус-кво».

По целому ряду причин, в первую очередь по причине быстрого овладения Советским Союзом секретом производства атомной бомбы и создания эффективных средств доставки атомного оружия, доктрина «массированного возмездия» осталась нереализованной. Более того, с начала 60-х годов нежелательность ядерного столкновения с СССР в условиях изменившегося соотношения сил стала ясна ряду европейских политиков, которые выступили за пересмотр стратегии НАТО в сторону более реалистического учета международной обстановки. Свидетельством тому — выход Франции в 1966 г. из военной организации Атлантического пакта. Причиной этого выхода, как это недвусмысленно подчеркнули тогдашние руководители Франции, было желание «деамериканизировать» французскую внешнюю и военную политику и потеря веры в «американскую ядерную гарантию».

Кардинальное изменение в мировом соотношении сил повело к двум явлениям в стратегии НАТО: с одной стороны, блок пришел к мнению о необходимости изменить свою стратегию в плане ее несколько большего приспособления к реальности, а с другой — новая ситуация повела к многочисленным попыткам США подтвердить для западноевропейцев свою «гарантию», которая, как оказалось, является фактически единственным основанием для США претендовать на особую роль «патрона и лидера НАТО».

С начала 60-х годов Вашингтон, демонстрируя большую осторожность, стал именовать свои ядерные силы «щитом НАТО», а мечом блока — сухопутные армии западноевропейских членов блока и войска США, распо-

доженные в Западной Европе. Однако окончательное изменение в стратегии альянса было произведено в 1967 г. в результате принятия натовской директивы МС 14/3, предусматрившей, что отныне стратегией НАТО становится «гибкое реагирование». Эта стратегия, не исключая применение ядерного оружия, в том числе стратегического, сделала акцент на использование в Европе обычных вооруженных сил и вооружений. В связи с этим была поставлена задача увеличения их численности и повышения их боеготовности.

Что же касается попыток США продлить жизнь «ядерной гарантии», то они на протяжении последних двадцати лет принимали самые разные акции: начиная от провалившегося плана сколотить «многосторонние ядерные силы» блока через «доктрину Шлесинджера» 1974 г. (как бы подтверждавшую возможность использования новых точных американских МБР для контрсилловых ударов по целям в Центральной и Восточной Европе), к попытке навязать Западной Европе нейтронное оружие и кончая решением НАТО в 1979 г. разместить в Западной Европе 572 американские ядерные ракеты: 108 пусковых установок баллистических ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» класса «земля—земля». Не успели стихнуть протесты западноевропейской общественности по этому поводу, как администрация Рейгана потребовала на римской сессии совета НАТО (1981 г.) нового анализа соотношения сил между странами Варшавского Договора и НАТО и разработки «технических потребностей» альянса в ракетно-ядерных средствах средней дальности. Ныне в Пентагоне уже поговаривают о переброске на Европейский континент 1500—2000 ракет.

США и другие страны НАТО пытаются оправдать решение о размещении в Западной Европе новых американских ракет ссылками на то, что Советский Союз развернул в своей европейской части ракеты нового класса (именуемые на Западе СС-20), якобы обеспечив себе тем самым превосходство в этой области вооружения. Однако эти натовские оправдания основываются на прямой фальсификации истинного положения вещей. А правда здесь, как отмечает Маршал Советского Союза, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств—участников Варшавского Договора В. Г. Куликов, состоит в следующем:

«Во-первых, в Европе уже на протяжении ряда лет число посетителей ядерного оружия среднего радиуса действия остается примерно одинаковым. Исчерпывающие данные об этом виде вооружений приведены в опубликованных в ноябре 1981 г. ответах Л. И. Брежнева на вопросы редакции журнала «Шпигель»: страны НАТО имеют 986 таких посетителей, Советский Союз—975. При анализе соотношения ядерных сил сторон нельзя брать изолированно лишь какой-то один вид средств, например ракеты наземного базирования. Надо рассматривать ядерные потенциалы в комплексе, так как только на такой основе может быть соблюден принцип равной безопасности сторон.

Во-вторых, заменяя старые ракеты новыми, Советский Союз в целях сохранения ядерного паритета не только не увеличивал ни на одну единицу общее количество носителей ядерного оружия средней дальности, а даже уменьшал его — с развертыванием каждой новой ракеты в Советском Союзе одновременно снимались одна или две старые ракеты.

В-третьих, если говорить о количестве ядерных зарядов, то уже сейчас вооружения средней дальности НАТО могут нести их примерно в полтора раза больше, чем соответствующие средства СССР. Таким образом, замена старых ракет на новые не привела к получению Советским Союзом превосходства в этой области»⁹.

Правда, под давлением мировой и европейской общественности администрации Рейгана пришлось пойти на переговоры с СССР по ядерному оружию средней дальности в Европе. Стремясь дать конструктивный импульс этим переговорам, Советский Союз предложил договориться о радикальном сокращении на две трети к концу 1990 г. имеющихся на стороне НАТО и Советского Союза ядерных вооружений средней дальности (т. е. с дальностью или боевым радиусом в 1000 км и более), размещенных на территории Европы. Более того, желая облегчить достижение справедливого соглашения о крупном сокращении ядерных средств обеих сторон в Европе, советское руководство приняло решение — ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Объявляя об этом решении, Генеральный

⁹ Куликов В. Г. Коллективная защита социализма. М., 1982, с. 54—55.

секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал: «Уже развернутые здесь такие вооружения мы замораживаем в количественном и качественном отношении, замену старых ракет, известных как СС-4 и СС-5, на более новые — СС-20 приостанавливаем»¹⁰. Л. И. Брежнев заявил также, что Советский Союз решил по своей инициативе сократить значительное число ракет средней дальности в европейской части страны и уже осуществляет это решение.

Однако несмотря на эти важнейшие инициативы СССР, встретившие широкую поддержку со стороны международной общественности, США по-прежнему настаивают на своем предложении о так называемом «нулевом решении», суть которого — требование «глобальной» ликвидации всех советских ракет средней дальности (в какой бы части СССР они ни находились) в ответ на согласие НАТО не развертывать американские ракеты в Западной Европе. Осуществление такого решения только лишь в масштабах Европы дало бы НАТО двойное превосходство над СССР по числу носителей ядерного оружия средней дальности и трехкратное — по числу боезарядов, доставляемых к цели этими средствами. Понятно, что на подобное решение, которое бы означало одностороннее разоружение СССР, Советский Союз не согласится, равно как он и не допустит изменения существующего паритета сил в пользу США и НАТО.

Попытки Вашингтона продлить «ядерную гарантию», по сути дела, сводятся не просто к тому, чтобы обеспечить ядерное оружие США для европейского театра, но и к тому, чтобы в той или иной форме подключить сами западноевропейские государства к американскому ядерному оружию и тем самым теснее привязать их к американской военной стратегии. Это отвечает общей американской линии на то, чтобы, сохраняя военный механизм НАТО (последний эффективный американский рычаг манипулирования западноевропейской политикой), переложить в то же время на Западную Европу значительно большую часть бремени гонки вооружений, помешать дальнейшей нормализации обстановки на Европейском континенте и фактически повысить военную уг-

¹⁰ Правда, 1982, 17 марта.

розу Советскому Союзу со стороны европейского ядра НАТО. Президент Рейган даже пошел столь далеко, что публично раскрыл планы ведения «ограниченной ядерной войны» в Европе (которая не затронула бы самой американской территории), т. е. планы, остававшиеся при Форде и при Картере достоянием Пентагона, но неизвестные широкой публике.

В беседе с редакторами провинциальных газет 17 октября 1981 г. Рейган, отвечая на один из вопросов, сказал, что «может сложиться такая ситуация, когда произойдет обмен ударами с применением обеими сторонами тактического ядерного оружия против воинских контингентов на поле боя без того, чтобы какая-либо из больших держав нажала на кнопку». Хотя это заявление президента США вызвало бурю протестов в столицах западноевропейских государств, тем не менее Вашингтону, по-видимому, удастся постепенно приучать западноевропейцев к мысли о том, что американское стратегическое оружие (а стало быть, и американская территория) может быть отделено от «превратностей европейской политики».

В какой-то мере Соединенным Штатам удалось осуществить свои планы по некоторому перераспределению военного бремени внутри блока НАТО. Если в 1970 г. военные расходы США составляли 69% от военных расходов всего блока, то в 1980 г. — лишь 59%. Принятая в мае 1978 г. на вашингтонской сессии совета НАТО долгосрочная программа модернизации вооруженных сил блока предусматривает ежегодное наращивание военных расходов каждой страной—участницей НАТО на 3% в год в реальном выражении и осуществление 101 конкретной программы модернизации вооруженных сил и вооружений, начиная от улучшения военной подготовки и кончая развертыванием новых систем тактического и «евростратегического» ядерного оружия.

Однако такого рода курс США на активизацию военных приготовлений (в условиях углубления кризисных явлений в экономике капиталистических стран и в условиях спокойной обстановки в Европе и развития всесторонних связей между Западной и Восточной Европой), равно как и американская стратегия «ограниченной ядерной войны в Европе» не мог не привести к вполне логическому результату — все большему пониманию не только западноевропейским населением, но

и правящими кругами западноевропейских государств несовместимости путей Европы с путем Соединенных Штатов. Основная долговременная тенденция европейской политики — все большая ее европеизация, находящая в сфере военной политики выражение в таких акциях, как укрепление так называемой еврогруппы НАТО, активизация деятельности Западноевропейского союза и различные циркулирующие в ЕЭС проекты большей военно-политической интеграции. Это вызывает значительные расхождения и разногласия между США и западноевропейскими членами НАТО, разногласия, острота и масштабы которых приводят к тому, что союзнические отношения довольно часто ставятся в последнее время под вопрос.

«Взаимоотношения между Западной Европой и Северной Америкой (также известные под именем Атлантического союза), — пишет влиятельный лондонский журнал «Экономист», — находятся на ранних стадиях того, что можно назвать неизлечимой болезнью. Союз был в беде много раз до этого, но ныне ситуация наихудшая».

Ударные силы интервенционизма

В конце 50-х — начале 60-х годов в США была разработана концепция **специальной контрповстанческой (контринсургентской) войны**, которую американское руководство рассматривало как наиболее благоприятную форму борьбы против революционных, национально-освободительных движений в условиях, когда изменения в соотношении сил на мировой арене и развитие движения неприсоединения привели Вашингтон к выводу о необходимости борьбы с такого рода движениями на уровне превентивных и малозаметных локальных операций.

Доктрина контрповстанческой войны основывалась на убеждении американских политических лидеров и теоретиков в том, что революционные брожения и восстания являются в основном движениями, инспирируемыми извне и не имеющими, как правило, широкой народной базы. Поэтому считалось, что, если Соединенным Штатам удастся противопоставить революционным

силам (действующим на уровне полувоенных-полуполитических операций) специальные контрповстанческие силы, использующие сходные методы, но в прямо противоположных целях, то они смогут подавлять революционные движения в зародыше, тем самым стабилизируя, так сказать, без большого шума прозападный, проамериканский статус-кво в зоне национально-освободительного движения.

Тактика контринсургенции вошла органической составной частью в американскую стратегию «гибкого реагирования», став тем вариантом использования вооруженных сил, который должен был применяться в ходе сверхмалых специальных войн. Первым полигоном для тактики контринсургенции оказалась Латинская Америка. Это произошло в силу целого ряда факторов, главным из которых было желание правящих кругов США не допустить распространения кубинского примера на другие страны региона. «После кубинской революции,— отмечал Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди, — империализм янки стремится предупредить развитие революционного процесса, его агрессивные действия маскируются превентивной контрреволюцией»¹¹.

Широкая политическая стратегия США в Латинской Америке в 60-е годы состояла в том, чтобы, укрепляя социальную базу капитализма социально-экономическими мероприятиями, предусмотренными Союзом ради прогресса, в то же время вооруженной силой подавлять любую открытую оппозицию капиталистическому пути развития.

После провала организованной ЦРУ интервенции против Кубы в апреле 1961 г. президент Кеннеди в мае того же года в послании конгрессу объявил о создании специальных сил для ведения «сверхграниценных или необычных войн». Эти силы впоследствии получили название «зеленых беретов» по цвету своих головных уборов. При штабе армии США в Форт Брагге (штат Северная Каролина) был создан центр специальных форм войны, которому впоследствии было присвоено имя Дж. Кеннеди. В странах Латинской Америки США создали ряд центров по подготовке контрпартизанских частей из местных воинских формирований.

¹¹ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973, с. 310.

Действия местных сил под американским командованием против партизанских движений в Гватемале, Перу, Колумбии, Венесуэле и Боливии привели американское руководство к мысли о необходимости шире применять тактику контринсургенции для борьбы с национально-освободительными движениями в других районах мира. В первую очередь эта тактика была применена Вашингтоном в Южном Вьетнаме, где начиная с 1963 г. США по инициативе президента Дж. Кеннеди развернули «специальную» войну против национально-освободительного движения. Однако во Вьетнаме же эта тактика потерпела позорный провал. США не смогли остановить там национально-освободительное движение методами контринсургенции, не смогли одержать победу на поле боя и путем локальной войны обычного типа с прямым и массовым участием американских регулярных войск, к которой они затем перешли.

Несмотря, однако, на поражение США, тактика контринсургенции не была сдана в архив американским политическим руководством и Пентагоном. Просто ныне больший упор делается на использование для контрповстанческих операций местных сил при американской военно-технической поддержке. Именно такого рода подход практикуют ныне США в Сальвадоре, Гондурасе и ряде других латиноамериканских стран, помогая проамериканским режимам бороться с партизанскими движениями.

Выученники американских «зеленых беретов» составляют ныне элиту большинства латиноамериканских вооруженных сил и занимают в них командные позиции. Ими же в основном укомплектованы и органы безопасности. Это и дает Вашингтону надежду на то, что ему удастся сохранять контроль за развитием политической ситуации в Латинской Америке. В то же время США все шире применяют накопленный ими в Латинской Америке и во Вьетнаме опыт «контрповстанческой борьбы» (включая методы борьбы и специальную военную технику) в целях поддержки диверсионно-террористических операций контрреволюционных сил в Афганистане, Камбодже, Анголе и ряде других стран Азии и Африки.

Стратегия «синей воды». Военно-морские силы США всегда были важным компонентом американской стратегической мощи, а директивы военно-морской стратегии

с ее ставкой на контроль за Мировым океаном долгое время доминировали в общей военно-политической стратегии США. Можно сказать большее: американские ВМС с их крупными линейными кораблями и авианосцами и представляли собой до появления ядерного оружия стратегические силы США. Именно с помощью военно-морского флота в качестве главной силы Соединенные Штаты решали задачи борьбы против Японии во второй мировой войне, с помощью ВМС осуществляли операции по высадке в Северной Африке, Италии и Нормандии.

Появление после второй мировой войны ядерного оружия, в качестве основного средства доставки которого была избрана бомбардировочная авиация, а не корабли военно-морского флота, привело на какое-то время к падению роли и особенно престижа ВМС в общем комплексе вооруженных сил США. Такое положение сохранялось до середины 50-х годов. Разработка атомного двигателя для надводных и подводных судов, создание баллистических ракет, запускаемых из-под воды, и целый ряд других успехов в кораблестроении и военно-морских вооружениях (включая палубную авиацию) вновь подняли роль и значение ВМС в осуществлении задач американской стратегии, ликвидировали их ущемленное положение. Важную роль, особенно в 70-е годы, сыграли и политические факторы. Главными среди них были изменения в соотношении сил между США и СССР, ухудшение американских военных позиций в мире в связи с поражением в Индокитае и ликвидацией ряда американских военных баз в Азии, Африке, на Ближнем Востоке, усиление зависимости страны от импорта нефти и ряд других факторов. С 1972 г. ВМС США выходят на первое место среди трех видов вооруженных сил по размерам получаемых бюджетных ассигнований, а военно-морская стратегия приобретает все более важное значение в военном планировании США.

До 70-х годов основными функциями американского флота считалось поддержание стратегической угрозы СССР (флотилией атомных подводных лодок — носителей БРПЛ) и проецирование американской силы в зоне национально-освободительного движения. Как отмечалось в исследовании, проведенном Брукингским институтом, о политическом использовании Соединенны-

ми Штатами своих вооруженных сил (т. е. использовании этих сил в целях давления), ВМС «были главным инструментом Соединенных Штатов в политическом использовании ими вооруженных сил во все времена, во всех местах и независимо от специфики ситуации». Определенную роль играла функция «флот против берега» в связи с наличием на авианосцах самолетов-носителей ядерного оружия, а также и функция поддержания контроля за морскими коммуникациями.

Начиная с 70-х годов американская военно-морская доктрина все большее значение уделяет контролю за коммуникациями (включая контроль за «точками удушения», как выражаются американские стратеги, — главными проливами, соединяющими между собой основные океаны и моря Мирового океана) и функции проецирования американской военной мощи к берегам потенциальных противников, включая в первую очередь Советский Союз. Важную роль военно-морской флот приобретает и в качестве компонента сил быстрого развертывания в результате создания нового класса десантных кораблей-вертолетоносцев и специальных судов — плавучих складов тяжелого оружия и боевой техники. К середине 80-х годов суда «морского лифта» будут составлять главный компонент американских мобильных сил.

В настоящее время американский флот насчитывает свыше 500 боевых кораблей, готовых к боевому развертыванию (эта новая категория «сил флота, готовых к боевому развертыванию», была введена министерством обороны США в 1982 г.). В это число входят 39 атомных ракетных подводных лодок, 91 многоцелевая атомная ударная подводная лодка и 5 дизельных, 13 ударных авианосцев (в том числе три атомных), 27 крейсеров, оснащенных управляемым ракетным оружием (из них 9 атомных), 85 эскадренных миноносцев, 86 фрегатов, 65 десантных и десятки других кораблей.

Важнейшим компонентом ВМС являются ракетные подводные лодки типа «Джордж Вашингтон»¹², «Итен Аллен», «Лафайет» и «Огайо», вооруженные ракетами

¹² В стратегических силах США имелось пять лодок этого типа, построенных в 1959—1961 гг. Сейчас они выводятся из числа носителей баллистических ракет и переоборудуются в многоцелевые подлодки, оснащенные крылатыми ракетами.

«Поларис А-3», «Посейдон» (С-3), «Трайидент-1» (С-4) (к началу 1984 г. под ракеты С-4 будет переоборудовано 12 лодок типа «Лафайет»). Указанные подводные лодки, несущие в общей сложности 632 БРПЛ, составляют основу ракетно-ядерной системы морского базирования, которая, по мнению американских теоретиков, наилучшим образом отвечает современным требованиям, предъявляемым к стратегическим силам. На данном этапе она является наименее уязвимой из всех трех компонентов стратегической «триады» США. Подчеркивается также, что эта система находится в высокой боевой готовности, эффективна в применении, обладает большой скрытностью и высокой точностью стрельбы. На долю подводной ракетной системы приходится примерно половина всех ядерных боеголовок стратегических сил США.

Еще более возрастет значение военно-морского компонента стратегических наступательных сил США с развертыванием в 80-х годах новой ракетно-ядерной системы морского базирования «Трайидент». Ее основа — атомные ракетные подводные лодки типа «Огайо», которые первоначально вооружаются 24 ракетами «Трайидент-1». По своим боевым возможностям одна лодка типа «Огайо» превосходит 10 атомных ракетных подводных лодок системы «Поларис». Переход на ракеты «Трайидент-1» примерно в 10 раз увеличивает акваторию боевого патрулирования соответствующих лодок, что усложняет проблему их обнаружения. Первая лодка типа «Огайо» была введена в строй в 1981 г. В дальнейшем предполагается построить 25—30 лодок такого типа. В перспективе они будут вооружены ракетами «Трайидент-2» с повышенной точностью стрельбы (до 14 боеголовок системы МАРВ по 150 кт каждая, дальность стрельбы более 11 тыс. км).

Многоцелевые атомные подводные лодки, вооруженные торпедами, противокорабельными крылатыми ракетами, ракето-торпедами, предназначенными для борьбы с подводными лодками, представляют собой другой важный компонент американских ВМС. В настоящее время в США ведется строительство новейшей серии такого рода подводных лодок типа «Лос-Анджелес». В боевом составе ВМС уже насчитывается 15 многоцелевых подводных лодок, а всего планируется построить около 60 лодок такого типа. Будет также начато строительст-

во многоцелевой атомной подводной лодки нового класса. Принято решение разместить на такого рода подводных лодках (равно как и на ряде крейсеров и эсминцев) крылатые стратегические ракеты «Томагавк» дальностью действия до 3700 км. Претворение в жизнь этого плана существенно увеличит общее количество стратегических ядерных боеголовок в американском флоте.

Ядром сил общего назначения ВМС считаются ударные авианосцы, на которых в настоящее время находится около 1000 самолетов, в том числе носителей ядерных средств. Авианосец является обычно ядром ударной группы ВМС, в которую входят 8—10 кораблей охранения и поддержки (крейсера, эсминцы, фрегаты). Как показали события, авианосцы интенсивно использовались в качестве основных ударных сил американского флота в локальных войнах и рассматриваются высшим военным руководством США как подготовленный резерв стратегических наступательных сил.

В настоящее время ВМС США сгруппированы в четыре флота (не считая сил резерва): 2-й флот (Атлантический) в составе около 30 ракетных подводных лодок, 40 многоцелевых атомных подлодок, 4—5 авианосцев и нескольких десятков других кораблей основных классов со штабом в Норфолке на Атлантическом побережье США; 3-й флот (восточная часть Тихого океана) в составе нескольких ракетных подводных лодок, около 30 атомных торпедных (многоцелевых) подлодок, 3—4 авианосцев и около 50 кораблей других классов со штабом в Пёрл-Харборе (Гавайи); 6-й флот (Средиземноморский) в составе пяти подводных лодок, двух авианосцев и около 15 кораблей других классов со штабом в Гаэта (Италия) и 7-й флот (западная часть Тихого океана) в составе до 10 подводных лодок, двух авианосцев и свыше 20 других судов основных классов со штабом в порту Йокосука (Япония). В последние годы одна-две ударные авианосные группы ВМС США регулярно патрулируют в Индийском океане, совершая заходы в Аравийское море. В Персидском заливе США уже в течение многих лет имеют специальную эскадру в составе пяти подводных судов.

Начиная с 1970 г. все американские администрации подчеркивали необходимость расширения и модернизации ВМС США. Последняя программа военно-морского строительства, разработанная администрацией Рейга-

на, предусматривает создание к началу 90-х годов военно-морских сил, готовых к боевому развертыванию, в составе 610 кораблей. Эта программа включает строительство двух новых атомных авианосцев (в дополнение к трем существующим), около 60 многоцелевых атомных подводных лодок и приобретение авиацией флота и корпуса морской пехоты 1930 самолетов (вместо 1100, намечавшихся Картером). На эти цели предполагается израсходовать за пятилетие 120 млрд. долларов. В качестве основной стратегической установки для ВМС США поставлено приобретение превосходства на просторах Мирового океана. Об этой установке недвусмысленно заявил военно-морской министр США Дж. Лимэн при утверждении его конгрессом в этой должности. «Я верю, — заявил Лимэн, — что четкое военно-морское превосходство США является абсолютным требованием для обеспечения стабильного международного мира и американской безопасности... Хотя Соединенные Штаты находятся ныне в состоянии мира, ВМС и морская пехота действуют в гораздо большей степени в режиме военного времени, чем это осознается большинством американцев... Я полностью поддерживаю цель администрации Рейгана по созданию военно-морского флота в составе 600 кораблей. Флот таких размеров включал бы 15 или 16 (авианосных) ударных групп. Для того чтобы достичь, а затем поддерживать уровень в 600 судов, требуются постоянные темпы производства от 22 до 35 судов ежегодно».

Силы быстрого развертывания. Если задуматься о назначении обычных вооруженных сил США, то нельзя не прийти к выводу о том, что это — интервенционистские силы, предназначенные для использования в операциях за рубежами США. Именно в этом качестве и только в этом они и использовались американскими правительствами в XX веке. И в этом, между прочим, характерное отличие вооруженных сил США от вооруженных сил любой другой страны, выполняющих в первую очередь функцию обороны собственной территории. У США же главная функция вооруженных сил — не оборона собственной территории, а реализация военными способами американских целей за рубежом.

Взятые целиком, американские обычные вооруженные силы, при всей их технической оснащенности, все же достаточно неповоротливы для того, чтобы реаги-

ровать быстро, особенно в случаях, когда речь идет об их использовании в локальных кризисах в отдаленных от США точках планеты. Поэтому США создали особый компонент вооруженных сил, предназначенный для быстрого интервенционистского реагирования, — морскую пехоту. Этот компонент и поныне остается авангардом интервенционистских сил США. Однако новые условия в мире, иной характер потенциальных противников, новые задачи, которые ставятся перед вооруженными силами США, предъявляют повышенные требования к мобильности, боеготовности, оснащенности сил, предназначенных для оперативного использования за пределами США. Это и привело теоретиков Пентагона к мнению о необходимости иметь более специализированные интервенционистские силы, предназначенные для действий в различных регионах мира.

Такие силы и начали создаваться с начала 60-х годов, когда в США было, с одной стороны, образовано ударное командование, в ведение которого были переданы все воздушные силы общего назначения, расположенные на территории страны, а с другой, — организованы специальные контрповстанческие части («зеленые береты») для борьбы против национально-освободительных движений в различных регионах мира. Впоследствии ударное командование было преобразовано в командование боеготовности, сохранившее в качестве главной своей функции подготовку мобильных сил для быстрой переброски в «горячие точки» мира. При этом постепенно начала проводиться специализация интервенционистских сил с целью приспособления их к действиям в определенных регионах мира — в горах, в джунглях, в условиях пустыни.

Правительство Картера пошло еще дальше в деле усиления мобильности и боеготовности сил; предназначенных для интервенционистских операций за рубежами США, и их специализации.

В августе 1977 г. в соответствии с президентской директивой № 18 было принято решение о создании специальных сил быстрого развертывания. В конце 1979 г. при командовании боеготовности во Флориде был создан штаб объединенных ударных сил быстрого развертывания в составе представителей всех четырех видов вооруженных сил США — армии, авиации, флота и морской пехоты.

Как заявил в июне 1980 г. тогдашний командующий силами быстрого развертывания генерал-лейтенант Келли, эти силы насчитывают около 300 тыс. человек, включая 100 тыс. резервистов, могущих быть призванными на действительную службу во время кризиса. По некоторым подсчетам, для ведения боевых действий за пределами территории США и «зоны ответственности НАТО» может быть выделено в случае необходимости около 28% личного состава американских вооруженных сил, что составит примерно 600 тыс. человек.

Наиболее мобильный, ударный компонент сил вмешательства составляют 82-я воздушно-десантная (свыше 15 тыс. человек) и 101-я воздушно-штурмовая (около 18 тыс. человек) дивизии, имеющие опыт ведения боевых действий во Вьетнаме, а также части специальных контрповстанческих сил и два батальона рейнджеров — солдат высшей квалификации, натренированных для выполнения особых поручений. Потенциальными компонентами сил быстрого развертывания могут быть все три дивизии морской пехоты США и необходимое число судов ВМС, включая — в максимальном варианте — три авианосца, а также от четырех до одиннадцати авиакрыльев истребительной и штурмовой авиации (каждое 72 — 125 самолетов) плюс две эскадрильи стратегических бомбардировщиков. В распоряжение мобильных сил может быть предоставлена существенная часть военно-транспортной авиации, насчитывающей свыше 1700 самолетов, а также около 300 пассажирских и грузовых самолетов так называемого аэрофлота гражданского резерва и около 200 судов торгового флота США.

Однако проблема быстрой переброски интервенционистских сил в отдаленные регионы является достаточно сложной. Так, по оценке американских экспертов, для транспортировки из США в район Персидского залива двух даже самых мобильных дивизий сухопутных войск в полном составе с помощью имеющейся в наличии военно-транспортной авиации потребуется не менее 26 суток. Именно поэтому Пентагон предпринимает меры для предварительного размещения в зоне потенциальных военных действий как техники и тяжелого вооружения, так и передового ядра сил быстрого развертывания. Эта техника размещается на складах в регионах вероятных операций (Западная Европа, Юго-Запад-

пая Азия) на основе концепции предварительного заморского складирования набора материалов для целых боевых частей.

Для более эффективной переброски новых интервенционистских сил по воздуху военное ведомство США продлевает сроки службы своей транспортной авиации (самолеты С-5 и С-141), увеличивает ее грузоподъемность, строит новые, более совершенные самолеты для заправки транспортов в воздухе, а также намеревается приобрести дополнительно 50 самолетов С-5 улучшенной конструкции и приступить к разработке транспортного самолета, обладающего повышенной грузоподъемностью и коротким разбегом, т. е. приспособленного для посадки на необорудованные аэродромы.

При этом необходимо подчеркнуть, что, хотя силы быстрого развертывания считаются Пентагоном приспособленными для действий в различных регионах мира, они по преимуществу сориентированы на регионы Южной Азии и Ближнего Востока.

Дело в том, что силы, предназначенные для быстрого наращивания американской военной группировки в Западной Европе, представляют собой особую группу и проходят иную подготовку, регулярно участвуя в ежегодных американских маневрах по переброске сил в ФРГ (операция «Рефорджер»). Планами Пентагона предусматривается, что США к 1986 г. будут в состоянии за 10 дней дополнительно перебросить в Западную Европу шесть с половиной армейских дивизий, включая части поддержки, и 60 эскадрилий тактической авиации, при условии, что вооруженные силы США в это время не будут вести боевых действий в каком-либо другом регионе. Для операций в Латинской Америке, в первую очередь Центральной Америке, которую американское руководство считает наиболее беспокойным районом, создано новое региональное командование Пентагона. На Дальнем Востоке США ныне не планируют крупных военных действий, полагаясь на Японию и КНР. Тем не менее в случае необходимости могут быть использованы американские силы, размещенные в Японии, на Окинаве и в Южной Корее, общей численностью в 85 тыс. человек, не считая кораблей и авиации 7-го флота США.

В этих условиях объединенные ударные силы быстрого развертывания служат в качестве специализиро-

важной боевой группировки, предназначенной для действий в районах Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки (этот регион американцы объединяют под общим названием Юго-Западной Азии). Нельзя не обратить внимания также и на характер проводимых этими силами учений. Они проводятся на военных базах в южных штатах США, где климатические условия схожи с ближневосточными, а также на некоторых американских базах за рубежом. Осенью и зимой 1981 г. Соединенные Штаты с целью «демонстрации мускулов» провели в четырех странах Ближнего Востока (Египет, Судан, Сомали и Оман) самые крупные военные маневры, когда-либо проводившиеся в этом регионе, — «Брайт Стар-82». В них участвовали американские силы быстрого развертывания и вооруженные силы указанных государств. В ходе маневров отрабатывались высадка военно-морского и военно-воздушного десантов и бомбардировка с воздуха объектов в египетской пустыне стратегическими бомбардировщиками В-52, совершившими беспосадочный перелет из США в Египет и обратно с дозаправками в воздухе.

С целью укрепления своих военных позиций на Ближнем Востоке Соединенные Штаты добились приобретения баз в этом регионе. Правительство Египта приняло решение предоставить в распоряжение США несколько баз на территории Египта, в том числе аэродром Кайро-Уэст и базу Рас-Банас на побережье Красного моря. Пентагон дооборудует эти базы, а также построит для Израиля две авиабазы в пустыне Негев, которые он также сможет использовать. Кроме того, Пентагон договорился об использовании портов и аэродромов в Кении, Омане, Сомали, а возможно, и в Саудовской Аравии в дополнение к тем базам, которые уже имеются у него в регионе. Продолжается расширение американской базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане, идет также речь о приобретении базы на Коморских островах. В районе Аравийского моря уже размещен на постоянной основе десантный отряд морских пехотинцев численностью в 1800 человек. Одновременно в район острова Диего-Гарсия направлено 12 военно-транспортных судов с тяжелым вооружением, боеприпасами и другим снаряжением для морских пехотинцев.

Администрация Рейгана продолжает строительство сил быстрого развертывания еще более ускоренными

темпами, чем администрация Картера, одновременно стремясь добиться от своих основных союзников по НАТО выделения мобильных контингентов из состава их национальных сил для совместных действий с американской «пожарной командой» вне региона НАТО.

* * *

Эволюция военно-политической доктрины и стратегии США после второй мировой войны показывает, что, несмотря на различие официальных формулировок при разных администрациях, речь, по сути дела, идет об агрессивной наступательной стратегии. Она неизменно исходит из установки на обеспечение США позиции силы как в отношении потенциальных противников, так и собственных союзников. Хотя на протяжении послевоенного периода Соединенным Штатам под влиянием объективных процессов в мире пришлось приспособлять свою стратегию к новым реальностям, несколько умерять свои имперские амбиции, Белый дом все еще не может отрешиться от иллюзий американской исключительности, от силового подхода к миру. Использование силы и угроза силой, в том числе и бряцание ядерным оружием, по-прежнему остаются важнейшими компонентами американской внешней политики.

В то же время опыт истории показывает, что любые попытки достичь военного превосходства над Советским Союзом или заставить его свернуть с намеченного пути социально-экономического развития не могут иметь успеха. «Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной. Это не наша политика, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. — Но мы и не позволим создать такое превосходство над нами. Подобные попытки, а также разговоры с нами с позиции силы абсолютно бесперспективны!»¹³

Советский Союз, военная доктрина которого носит оборонительный характер и исключает превентивные войны и концепцию «первого удара», настойчиво призывает и призывает США и другие страны НАТО прекратить гонку вооружений, приступить к переговорам об ограничении и сокращении любых видов оружия, и прежде всего ядерных, устранить угрозу возникновения ядерной войны.

¹³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 22.

Литература

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982.

Брежнев Л. И. Ответы на вопросы редакции журнала «Шпигель» (ФРГ), М., 1981.

Горшков С. Г. Морская мощь государства. М., 1976.

Куликов В. Г. Коллективная защита социализма. М., 1982.

Огарков Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества. М., 1982.

Откуда исходит угроза миру. М., 1982.

Устинов Д. Ф. Служим Родине, делу коммунизма. М., 1982.

Угроза Европе. М., 1981.

Генрих Александрович Трофименко

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА США

Гл. отраслевой редактор *И. С. Косов*

Редактор *Ю. К. Долетов*

Мл. редактор *Е. А. Кушнарёва*

Худож. редактор *М. А. Бабичева*

Техн. редактор *И. Е. Жаворонкова*

Корректор *В. Е. Калинина*

ИБ № 5055

Сдано в набор 11.05.82. Подписано к печати 07.06.82. А 11156. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 12. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,57. Уч.-изд. л. 3,53. Тираж 91 230 экз. Заказ 971. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 820206.

Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку. Подписка на брошюры издательства „Знание“ ежеквартальная, принимается в любом отделении „Союзпечати“.

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в „Каталоге советских газет и журналов“ в разделе „Центральные журналы“, рубрика „Брошюры издательства „Знание“.

Цена подписки на год 1 р. 32 к.

СЕРИЯ

международная